

Елена Кибирева

ЖИЗНИ ПОДЪЕМЫЕ

Покрывало святой Вероники

12+

Елена Кибирева

**Лилии полевые. Покрывало
святой Вероники**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кибирева Е.

Лилии полевые. Покрывало святой Вероники / Е. Кибирева —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-97294-0

Перед вами третий сборник рассказов из серии книг «Лилии полевые». В основу всех сборников легли рассказы из рукописного архива протоиерея Григория Пономарева (1914-1997) и его духовных чад. Все книги подготовлены к печати православной писательницей Еленой Кибиревой, тексты, написанные авторами дореволюционной России, восстановлены и заново отредактированы, а утраченные из-за ветхости архива части текстов дописаны с соблюдением православных канонов. В настоящее время архив передан в дар издательству «Звонница», которое продолжает дело отца Григория и пополняет его архив новыми рассказами.

ISBN 978-5-532-97294-0

© Кибирева Е., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Предисловие	5
Покрывало святой Вероники	9
Альбин	35
1	36
2	38
3	40
4	42
5	44
6	47
7	52
8	55
9	58
10	60
11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Елена Кибирева

Лилии полевые. Покрывало святой Вероники

Предисловие

Дорогие читатели!

Перед вами – третий сборник рассказов из серии книг *«Лилии полевые»* под названием *«Покрывало святой Вероники»*. В 2012 году вышла в свет вторая книга *«Лилий...»* – «Крестноносцы», а еще ранее, в 2006 году – первый сборник *«Лилий...»*, выдержавший уже более восьми изданий.

Когда книга была готова к печати и оставалось только написать несколько слов предисловия, в близкой нам православной Украине произошли трагические события, заставившие каждого из нас задать себе вопрос: «Кто же я такой и какова моя вера?».

Вспыхнул «пожар» в Киеве. Враг рода человеческого со смертельной угрозой подошел к самым вратам наших православных святынь – Киево-Печерской и Почаевской лаврам.

Как ноет сердце, как болит душа! Вооруженная чума стоит у стен наших храмов, но чем можем мы, немощные и изнеженные благами мира, помочь своим братьям?

Чем можем защитить наши храмы?

Только верой.

Верой наши отцы построили и укрепили Российскую Державу. Верой защищали от врага свое Отечество, верой созидают сегодня Новый Иерусалим.

Вера Господня – огромная сила, но она проявляется только тогда, когда мы осознаем свою немощь и призываем имя Христово.

«Вера в нашей жизни встречается крайне редко, – говорит в своей проповеди на Торжество Православия митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, – и по-настоящему мы не видим смысла глубокой любви к нам Господа... У нас нет человеческого щита, который может нас защитить... Но если мы примем веру во Христа, то сможем сотворить чудо. Где Господь, где храмы, где наша вера – там жизнь...»

Верующий человек знает, что Господь никогда не оставит его, что он – не сирота, а всегда стоит под покровом своего Творца. Господь никогда не оставит нашего упования на Него, и только силой Христа может устоять наша вера. Так было в этот страшный февраль в Киево-Печерской и Почаевской лаврах.

Так может быть и завтра со всеми нами.

В дни Великого поста пусть Сам Господь, Его Голгофский Крест, молитвенный щит киево-печерских святых, предстательство преподобных Иова Почаевского и Кукши Одесского, великомученицы Варвары, молитвенный покров Божией Матери «Касперовская» укрепят нас и наших православных братьев на Украине.

Сегодня праздник Торжества Православия.

Огонь веры Христовой горит!

«Мы должны жить в вере как в воздухе, – говорит уральский митрополит Кирилл. – Но сегодня нам не хватает этого воздуха... Мы имеем малые крохи огромного богатства, которое дает нам вера. Самый богатый верующий – тот, который живет в единении со своим Творцом, и в этом его огромное достояние...»

У Православной Церкви во все времена было несметное число противников! Враг никогда не смирится с торжеством Православия, и Господь будет испытывать нас до самого конца – до смерти крестной.

«Быть верным Христу – значит быть верным Ему даже до смерти» – учит проповедник нашего времени, протоиерей Александр Шаргунов. Эти слова обращены к каждому православному христианину и пронизаны сакральным смыслом!

«Смысл нашей жизни – пройти кротким путем Христовой проповеди и вернуться в лоно Отца Небесного... Господь, давший нам этот короткий путь, ждет нас обратно...» – звучат слова архиерея под сводами Троицкого собора Екатеринбургa.

За свою жизнь мы ответим Господу сами. Спросим себя сегодня: кто мы? Как верим? Как живем? Готовы ли служить Богу всем сердцем и всем разумением своим? Есть ли в нас героический евангельский дух, о котором нам проповедует Святая Церковь и которому учат жития новомучеников и исповедников Российских?

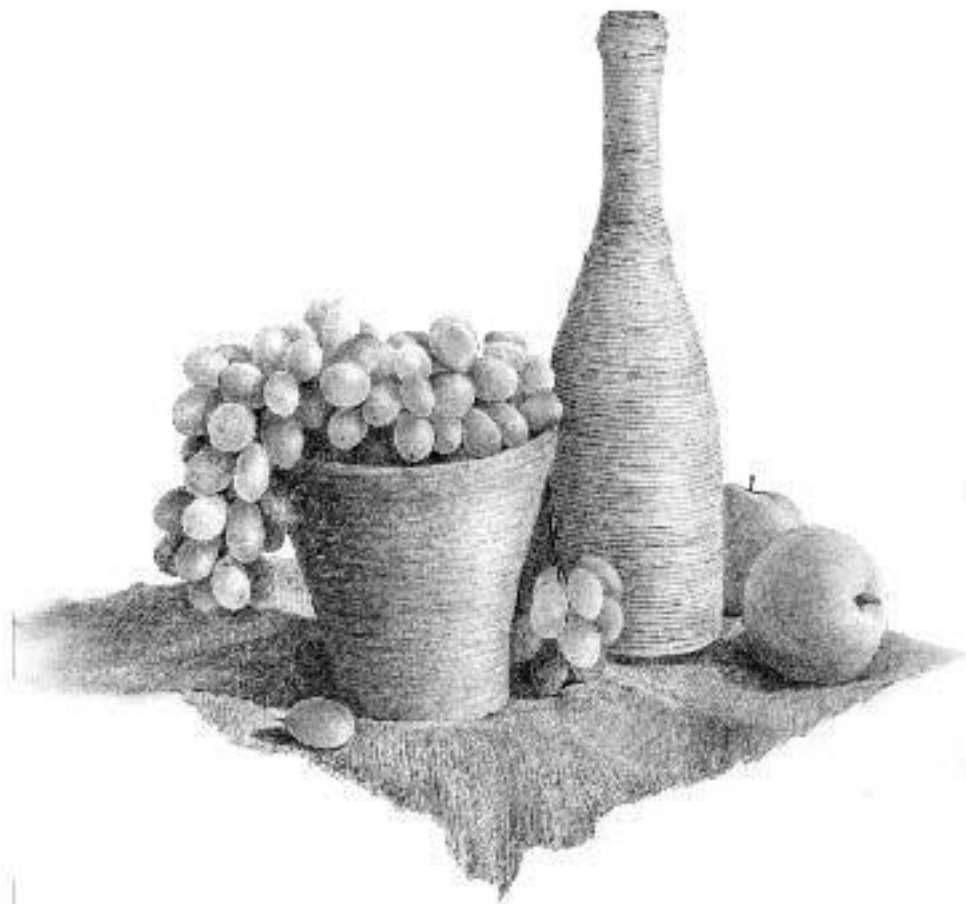
Наш крестный путь, наша исповедь Христа, наша вера – ничто без Самого Творца, без Его проповеди, без Его Креста!

Пусть и эта книга рассказов *«Лилии полевые. Покрывало святой Вероники»*, в которой собраны новые библейские притчи и рассказы из первых времен христианства, предания, сказания, поучения, духовная поэма-быль «Инок», малоизвестные, но пронзительные стихи о жизни угодников Божиих, собранные протоиереем Григорием Пономаревым как пример истинно христианской жизни, – научит и нас Христовой проповеди, пламенной вере и крестной смерти во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Елена Кибирева, издатель, член Союза писателей России.

Великий пост. Праздник Торжества Православия. 9 марта 2014 года.

Покрывало святой Вероники

Библейское предание

В один из последних годов царствования императора Тиверия¹ какой-то бедняк виноградарь поселился с женой в одной хижине высоко в Сабинских горах². Они были чужие здесь, жили в совершенном одиночестве, и никто никогда не посещал их.

Но однажды утром хозяин, открыв дверь своей хижины, увидел, к своему удивлению, что у порога сгорбившись сидит какая-то старуха, закутанная в простой серый плащ. Она выглядела очень бедной. Однако когда она поднялась и обернулась к виноградарю, то показалась ему такой почтенной, что он невольно вспомнил сказание о богинях, которые иногда сходят к людям в образе старой матроны.

– Друг мой, – сказала она виноградарю, – не удивляйся, что эту ночь я проспала у порога твоего дома. В этой хижине жили мои родители, а я родилась здесь почти 90 лет назад. Я думала, что найду ее пустой и брошенной, и не знала, что в ней снова поселятся люди.

– Неудивительно, – ответил хозяин, – что ты думала найти пустой эту хижину, приютившуюся среди диких скал на такой высоте! Я и моя жена пришли сюда из далекой страны. Мы, люди бедные и чужие здесь, не могли найти себе лучшего пристанища, чем это жилище. А для тебя, усталой и голодной после столь длинного пути, наверное, приятнее найти в этой хижине людей, а не наткнуться на диких волков Сабинских гор. У нас ты найдешь постель для отдыха и чашку козьего молока с куском хлеба, если только тебе угодно будет это принять.

Женщина едва улыбнулась, но эта легкая улыбка не могла согнать выражения глубокой скорби, лежавшего на ее усталом и изможденном от трудной дороги лице.

– Я прожила всю мою юность здесь, в горах, – сказала она, – и еще не забыла, как выжить волка из его берлоги.

И действительно, внешне она выглядела еще крепкой и сильной, и виноградарь не сомневался, что, несмотря на свою глубокую старость, она сохранила достаточно силы, чтобы вступить в борьбу с диким зверем. Он снова повторил свое приглашение, и старуха вошла в хижину и присоединилась к завтраку бедняков, без уговоров приняв участие в трапезе. Она осталась очень довольна едой – грубым хлебом, размоченным в молоке, – а хозяева горной хижины не переставали думать, откуда могла забрести к ним эта старая женщина-странница.

«Она, наверное, чаще ела фазанов на серебряных блюдах, чем пила козье молоко из глиняной кружки» – так казалось хозяевам.

Иногда старуха поднимала глаза от еды, как бы осваиваясь постепенно в хижине. Бедная обстановка, голые глиняные стены, истоптанный пол... Конечно, со временем хижина сильно изменилась, но кое-какие следы от прежних жильцов в ней все же сохранились. Гостя даже показала теперешним хозяевам кое-где на стенах сохранившиеся следы изображений собак и оленей – их рисовал когда-то ее отец, чтобы позабавить своих малюток. А наверху, на полке, она даже как будто нашла черепки глиняного сосуда, из которого сама когда-то пила молоко.

Тем временем муж и жена думали про себя: «Возможно, конечно, что странница родилась в этой хижине. Но чем она занималась в своей жизни? Наверное, не одним доением коз и приготовлением сыра?». Они заметили также, что мысли незваной гостии часто уносятся куда-то далеко и каждый раз, словно приходя в себя, она тяжело и печально вздыхает. Наконец

¹ Тиверий – римский император, в царствование которого явился на свою проповедь Иоанн Креститель. При Тиверии с 14 лет протекала вся последующая жизнь Спасителя Господа Иисуса Христа. Сохранилось свидетельство, в котором Тиверий признает Иисуса Христом и говорит о Его воскресении. Тиверий хотел включить Христа в число богов, но римский сенат не согласился.

² Сабинские горы – располагаются с северо-запада на юго-восток по границе Рима, 2000 м высоты.

странница встала из-за стола. Она приветливо поблагодарила хозяев за оказанное ей гостеприимство и направилась к двери. И вдруг бедная женщина показалась виноградарю такой жалкой, одинокой и несчастной, что он сказал:

– Если я не ошибаюсь, то, взобравшись вчера ночью к этой хижине, ты вовсе не думала так скоро оставить ее? Если ты действительно так бедна, как кажется, то, вероятно, надеялась провести здесь оставшиеся годы жизни. А теперь собираешься уйти, потому что я и моя жена поселились в этой хижине?

Старуха не стала отрицать, что он угадал ее желание, однако добавила:

– Эта хижина, стоявшая столько времени заброшенной, принадлежит тебе столько же, сколько и мне. Я не имею никакого права выгонять тебя отсюда.

– Но ведь это хижина твоих родителей, – ответил виноградарь, – и у тебя, конечно, больше на нее прав, чем у нас. Кроме того, мы молоды, а ты – стара. Поэтому оставайся, а мы уйдем отсюда.

Услыхав это, старуха крайне удивилась. На пороге дома она обернулась и уставилась на виноградаря, как бы не понимая, что он сказал. Но тут в разговор вмешалась молодая женщина:

– Если мне позволено будет сказать свое мнение, – обратилась она к мужу, – я попросила бы тебя спросить эту старую женщину, не пожелает ли она взглянуть на нас как на своих детей и не захочет ли остаться здесь, чтобы мы могли заботиться о ней. Что за польза ей, если мы уступим эту хижину и оставим ее одну? Для нее было бы ужасно жить одиноко в горах. Это означало бы обречь ее на голодную смерть.

Тут старуха подошла близко к хозяевам хижины и испытующе взглянула на них.

– Отчего говорите вы так со мною? – спросила она. – Почему оказываете мне столько сострадания, ведь вы чужеземцы?

– Потому, что мы сами встретили однажды в жизни великое сострадание, – ответила молодая женщина.

Таким образом старуха поселилась в хижине виноградаря и вскоре близко подружилась с молодой четой. Однако она никогда не говорила им, откуда пришла и кем была в прошлом. И они понимали, что ей бы не понравилось, если бы они стали ее расспрашивать.

Однажды вечером, когда они втроем сидели на большом плоском обломке скалы, лежавшем перед хижинкой, и ели свой ужин, они увидели старика, поднимавшегося по тропинке. Это был человек высокого роста, крепкого телосложения, широкоплечий, как борец. Лицо его имело мрачное, жестокое выражение. Лоб резко выступал над глубоко запавшими глазами, а линии рта словно таили разочарование и презрение. Он имел военную выправку и отличался быстрыми, резкими движениями. Одет был старик довольно просто, и виноградарь, завидев его, подумал: «Наверное, это старый легионер³, получивший отставку и отправляющийся теперь на родину».

Приблизившись к хозяевам, мирно ужинавшим у хижины, гость в нерешительности остановился. Виноградарь, знавший, что дорога за хижинкой кончается, положил ложку и обратился к пришедшему:

– Ты, верно, потерял дорогу, путник, если пришел к этой хижине? Обыкновенно никто не забирается сюда, если только у него нет дела до кого-нибудь из нас, живущих здесь.

В это время старик подошел ближе.

– Ты говоришь правду, – сказал он, – я потерял дорогу и теперь не знаю, как мне ее найти. Я буду тебе благодарен, если ты позволишь мне отдохнуть здесь, а потом укажешь, как добраться до деревни.

³ Легионер – солдат из легиона. Легион у древних римлян – отряд войск, основная боевая единица, полк, состоявший из трех тысяч пехоты и трехсот всадников.

С этими словами он опустился на один из камней, лежащих перед хижиной. Молодая женщина предложила ему поужинать вместе с ними, но он с улыбкой отказался, однако охотно и непринужденно беседовал с хозяевами, пока они ели. Он спрашивал их об образе жизни и занятиях, и они отвечали ему приветливо и откровенно.

Но вот виноградарь в свою очередь обратился к путнику и стал расспрашивать его.

– Ты видишь, – сказал он, – как замкнуто и одиноко мы живем. Уже целый год, как я ни с кем не говорил, кроме пастухов и виноградарей. Но можешь ли ты рассказать нам что-нибудь о Риме и императоре, ведь ты пришел, очевидно, из какого-нибудь лагеря?

Едва муж произнес эти слова, как жена заметила, что старуха взглядом и рукой дала ему знак, что надо всегда осторожно относиться к своим словам. Путник же ответил совсем дружески:

– Я вижу, что ты принимаешь меня за легионера, но ты не совсем прав, ибо я уже давно оставил службу у императора Тиверия. Для нас немного было работы. А ведь он был когда-то великим полководцем. Это время было временем его счастья... Теперь он ни о чем другом не думает, как о предупреждении заговоров. Весь Рим говорит о том, что на прошлой неделе он приказал по самому ничтожному подозрению арестовать сенатора Тита и казнить его.

– Бедный император! – воскликнула молодая женщина. – Он перестал понимать, что делает! – она заломила руки и с сожалением покачала головой.

– Ты в самом деле права, – ответил старик, и выражение глубокого огорчения отразилось на его лице. – Тиверий знает, что все его ненавидят, и это еще больше сводит его с ума.

– Что ты говоришь! – воскликнула хозяйка. – За что нам его ненавидеть? Мы только жалеем, что он перестал быть великим императором, каким был в начале своего царствования.

– Ошибаешься, – сказал гость. – Все люди презирают и ненавидят Тиверия. Да и как же иначе? Ведь он тиран, не знающий пощады. И в Риме думают, что в будущем он станет еще более жестоким, чем теперь.

– Разве случилось что-нибудь такое, что может превратить его в еще большее чудовище? – спросил чистосердечно виноградарь.

И снова молодая женщина заметила, что при этих словах старуха вторично сделала ее мужу знак, чтобы он был осторожен. Старик же ответил просто, но в то же время на губах его проскользнула своеобразная улыбка:

– Ты, вероятно, слышал, что Тиверий до сих пор имел около себя друга, которому он мог довериться и который всегда говорил ему только одну правду? Все прочие, живущие при его дворе, – искатели счастья и льстецы, одинаково превозносящие как его добрые и благородные дела, так и злые и низкие поступки. Но было, как я сказал, одно существо, которое никогда не боялось открывать ему глаза на его поступки. Этим человеком, имевшим больше мужества, чем сенаторы и полководцы, была старая кормилица императора – Фаустина...

– Да, я слышал о ней, – прервал виноградарь. – Говорили, что император всегда оказывал ей большое расположение!

– Да, Тиверий умел ценить преданность и верность этой женщины. Он относился к ней как ко второй своей матери – к этой простой крестьянке, пришедшей к нему когда-то из жалкой хижины в Сабинских горах. С тех пор как он сам стал жить в Риме, он поселил ее в отдельном доме на Палатинском холме⁴, чтобы иметь ее всегда вблизи себя. Ни одна из знатных римских матрон не жила лучше ее. Ее носили по улицам на носилках, и одевалась она как императрица. При переселении императора на остров Капри⁵ она должна была его сопровождать, и он велел даже купить для нее виллу с рабами и драгоценной обстановкой.

⁴ Палатин – один из холмов, на которых возник Древний Рим. Имеет две вершины – Палатин и Гермал.

⁵ Капри – остров, расположенный юго-западнее нынешнего Сорренто на кампанском побережье. В 29 г. до н. э. приобретен императором Августом у неаполитанцев. Известность остров получил во времена Тиверия, построившего на нем ряд великолепных вилл. Здесь же он провел 10 последних лет своей жизни. Позднее остров стал местом ссылки.

– Действительно, ей жилось хорошо, – снова вставил виноградарь, который один только и поддерживал разговор с гостем.

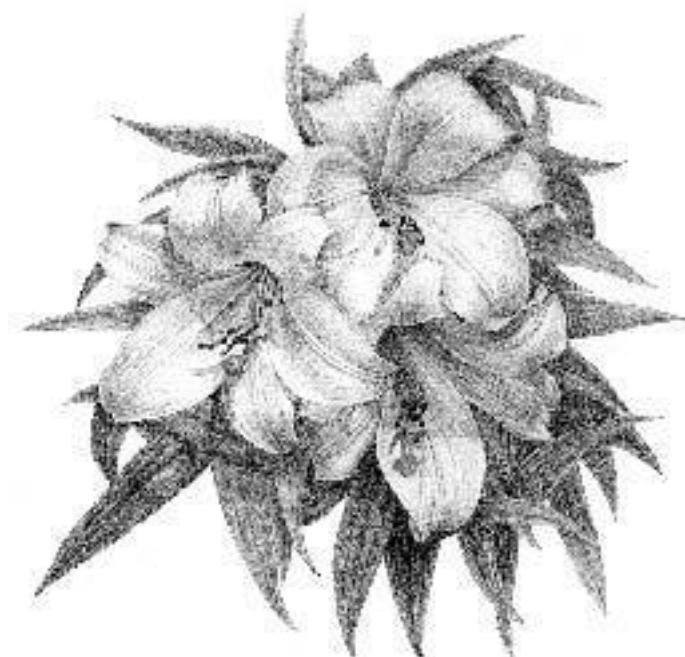
Жена его сидела молча и с удивлением следила за переменной, произошедшей со старухой. С тех пор как пришел путник, она не проронила ни слова. Она словно преобразилась, потеряв свое обычно приветливое и мягкое выражение глаз. Отодвинув от себя еду, она сидела теперь прямо, словно застывшая, прислонясь к двери и глядя в пространство окаменевшими глазами.

– Такова воля императора. Он захотел, чтобы она была счастлива и свободна, – сказал старик. – Но, несмотря на все его благодеяния, и она предала его...

При этих словах путника старуха вздрогнула, но женщина ласково и участливо погладила ее по руке и, обратившись к гостю мягким, нежным голосом, сказала:

– Я все же не могу думать, что старая Фаустина была так счастлива при дворе, как ты это описываешь. Я уверена, что она любила Тиверия как собственного сына. Я представляю себе, как гордилась она его благородной юностью, и также могу представить, как велико было ее горе, когда он в старости отдался во власть подозрительности и жестокости. Она, наверное, каждый день говорила ему об этом и останавливала его. Ужасно тяжелы для нее должны были быть ее тщетные мольбы! И, наконец, она не в силах была видеть, как он все глубже и глубже падает в пропасть.

При этих словах старик изумленно подвинулся ближе к говорившей, но не смог как следует разглядеть молодую женщину: она сидела с опущенными глазами, говорила очень тихо и грустно.

– Ты, быть может, права в том, что говоришь о старухе, – ответил он. – Фаустина в действительности не была счастлива при дворе Тиверия, и все же кажется удивительным, что она оставила императора в его старости, после того как у нее хватало терпения оставаться с ним в течение всей жизни.

– Что ты говоришь?! – воскликнул виноградарь. – Старая Фаустина покинула императора?

– Она скрылась с острова Капри, никому не сказав ни слова, – ответил путник. – Она ушла такой же нищей, какой и пришла. Она не взяла с собой ничего из своих сокровищ.

– И император в самом деле не знает, почему она ушла? – спросила молодая женщина.

– Нет, – ответил старик, – император не знает причину. Ведь не может же он поверить, что она покинула его потому, что он как-то раз сказал ей, что она служит ему, чтобы получать плату и подарки, как и все прочие. Она ведь знает, что он никогда не сомневался в ее бескорыстии. Он все еще надеется, что она добровольно к нему вернется, потому что никто лучше ее не знает, что он теперь совсем не имеет друзей.

– Я не знаю ее, – сказала молодая женщина, – но думаю, что могу все-таки предположить, почему она ушла от императора. Она была воспитана в простоте и благочестии, и ее, может быть, всегда влекло назад, в прошлую жизнь. Но все же она никогда не оставила бы его, если бы он ее не оскорбил. И я понимаю, что после обидных слов она наконец сочла себя вправе подумать о себе самой, так как дни ее уже близятся к концу. Если бы я была бедной жительницей гор, то, вероятно, так же поступила бы, как и она. Я сказала бы себе, что я довольно сделала, прослужив моему господину всю жизнь. Я ушла бы наконец от роскоши и царской милости, чтобы дать душе насладиться истинной правдой, перед тем как моя душа оставит меня и начнет свой длинный путь.

Старик окинул молодую женщину мрачным и печальным взглядом:

– И ты не думаешь о том, что жизнь императора станет теперь мрачнее, чем когда бы то ни было; теперь, когда не стало никого, кто мог бы его успокоить, когда им овладевает недоверие и презрение к людям? Ведь только подумать, – и старик взглядом впился в глаза молодой женщины, – во всем мире нет теперь человека, которого бы он не ненавидел, которого бы он не презирал. Ни одного!..

Когда он произнес эти слова горького отчаяния, старуха вдруг сделала резкое движение и обернулась к старику. Посмотрев ему прямо в глаза, она ответила:

– Тиверий знает, что Фаустина снова вернется к нему, как только он этого пожелает. Но она должна раньше знать, что старые глаза ее не будут видеть при дворе его порок и бесстыдство.

При этих словах все трое обитателей хижины поднялись, но виноградарь и его жена встали впереди старухи, как бы защищая ее. Старик не произнес больше ни одного слова, но смотрел на старуху вопросительным взглядом. «И это твое последнее слово?» – казалось, говорил этот взгляд. Губы старой кормилицы дрожали, и слова уже не могли сходить с них.

– Если император любит свою старую прислужницу, то он должен предоставить ей покой в последние ее дни, – сказала молодая женщина.

Путник медлил еще, но вдруг его мрачное лицо просветлело.

– Друзья мои, – сказал он, – что бы ни говорили о Тиверии, но есть одно, чему он научился лучше всех других: самоотречение. Еще одно я должен вам сказать: если старая кормилица, о которой мы говорили, придет в эту хижину, примите ее хорошо. Милость императора постигнет всякого, кто поможет Фаустине.

При этих словах он завернулся в свой дорожный плащ и ушел той же горной тропой, по которой пришел.

После этого случая виноградарь и его жена никогда больше не говорили со своей гостьей об императоре. В беседах же между собой они удивлялись, что, несмотря на глубокую старость, она нашла в себе силы отказаться от роскоши и влияния, к которым давно привыкла.

«Не вернется ли она снова скоро к Тиверию? – спрашивали они себя. – Она, конечно, все еще любит его. Ведь она оставила его в надежде, что это образумит его и заставит отказаться от безумной жестокости...»

– Такой старый человек, как император, никогда уже не начнет новой жизни, – говорил муж.

– Как сможешь ты отнять у него беспредельное презрение к людям? – отвечала жена. – Кто позволил бы себе выступить перед ним и научить его любви к человечеству? А пока этого не случится, он не сможет исцелиться от своего упрямства и тирании. Ты знаешь, что есть

только один Человек на всем свете, Который действительно был бы в силах это сделать. Я часто думаю о том, что было бы, если бы эти двое встретились. Однако пути Господни непостижимы...

А тем временем их гостья окончательно освоилась в доме и уже не чувствовала каких-либо лишений и не испытывала никакой потребности вернуться к своей прежней жизни. И, когда через некоторое время жена виноградаря родила дитя, старуха стала ходить за малюткой и казалась такой жизнерадостной и счастливой, что, казалось, совсем забыла о своем горе.

Раз в полгода, закутавшись в свой длинный серый плащ, она обыкновенно отправлялась в Рим. Но там Фаустина ни к кому не заходила, а пробиралась прямо на форум⁶. Она останавливалась перед небольшим храмом, который помещался на одной из сторон великолепно украшенной площади. Этот храм состоял собственно из очень большого алтаря под открытым небом на дворике, выложенном мрамором. На алтаре восседала Фортуна – богиня счастья. А у подножия стояла статуя Тиверия. Кругом двора шли помещения для жрецов, кладовые для дров и стояла для жертвенных животных.

Странствования старой Фаустины не шли никогда дальше этого храма, посещаемого всеми желавшими молиться о счастье Тиверия. Заглянув в храм и увидев, что статуи богини и императора украшены цветами, что жертвенный огонь пылает, а толпы благоговейно молящихся людей собираются вокруг алтаря, послушав тихие гимны жрецов, она выходила из храма и возвращалась в горы. Так, не проронив ни с кем ни одного слова, узнавала старая кормилица, что Тиверий еще жив и у него все благополучно.

Но однажды, когда она в третий раз спустилась с Сабинских гор и совершила путешествие, то нашла в городе нечто необыкновенное. Приближаясь к храму, она заметила, что он заброшен и пуст. Перед башней не было ни одного светильника, а в храме не было молящихся. На одной из стен алтаря висело еще несколько сухих венков, но это было все, что осталось от былой пышности. Жрецы исчезли, а статуя императора, более никем не охраняемая, была попорчена и стояла в пыли.

Старуха обратилась к первому встречному:

– Что должно это означать? – спросила она. – Разве Тиверий умер? Или у нас уже другой император?

– Нет, – ответил римлянин, – Тиверий все еще император, но мы перестали молиться о нем. Наши молитвы больше ему не помогают.

– Друг мой, – сказала Фаустина, – я живу далеко отсюда, в горах, где никто ничего не знает о том, что делается на свете. Не будешь ли так добр сказать мне, какое несчастье постигло императора?

– Самое ужасное несчастье обрушилось на Тиверия, – ответил тот. – Его поразила болезнь, которая до сих пор в Италии была неизвестна, однако она, говорят, нередкая на востоке. Болезнь так изуродовала императора, что его голос стал похож на рычание зверя, а пальцы на руках и ногах разъели язвы. И от этой болезни будто бы нет никакого лекарства. Многие думают, что через несколько недель он умрет. Если же не умрет, то придется лишить его трона – несчастный не может больше царствовать. Ты понимаешь теперь, что его императорской судьбе пришел конец. И бесполезно сейчас молить богов о даровании ему счастья. Да и не стоит, – прибавил римлянин с легкой усмешкой. – Нечего теперь заискивать перед ним. Да и к чему же нам трепетать о нем?

С этими словами он поклонился Фаустине и отошел, а она застыла на месте, ошеломленная словами незнакомца. В первый раз в своей жизни она почувствовала себя пораженной; она ощущала теперь себя дряхлой, сгорбленной старухой, придавленной тяжкими страданиями. Она стояла, несчастная и немощная, с трясущейся головой, и руки ее что-то бессильно ловили

⁶ Форум – в древнем Риме: площадь, где протекала общественная жизнь города.

в воздухе... Ей захотелось поскорее уйти с этого места, но ноги ее сами по себе подкосились, и, пошатываясь, едва передвигаясь вперед, она искала взглядом любую опору, на которую могла бы опереться.

Через несколько минут после невероятных усилий ей удалось наконец преодолеть внезапный упадок сил. Она выпрямилась во весь рост и буквально заставила себя пойти твердыми шагами по переполненным людьми улицам – она возвращалась в горы.

Но уже через неделю старая Фаустина вновь взбиралась по крутым утесам острова Капри. Был жаркий день, и удручающее чувство старости и слабость снова овладели ею, пока она плелась по выющимся дорожкам и ступенькам, прорубленным в скалах на пути к вилле Тиверия. Это чувство особенно усиливалось оттого, что она заметила, как сильно все изменилось вокруг за время ее отсутствия. Прежде здесь всегда встречались целые толпы людей, которые живо взбирались и спускались по ступеням императорской виллы. Здесь толпились сенаторы, которых принесли сюда на специальных носилках великаны-ливийцы; чиновники из всех провинций, являвшиеся в сопровождении длинного ряда рабов; искатели должностей и званые люди, приглашенные на пир к императору. А теперь все лестницы и переходы виллы опустели. Серо-зеленые ящерицы были единственными живыми существами, которых Фаустина встретила на своем пути. Она поражалась тому, как скоро все может приходиться в упадок.

Со времени заболевания императора прошло лишь несколько недель, а между тем сквозь щели между мраморными плитами виллы уже пробивалась сорная трава. Благородные растения в прекрасных вазах давно засохли, а наглые и вездесущие придворные, не встречая никакой помехи, в нескольких местах проломали ограду императорской виллы.

Но больше всего ее поразило совершенное отсутствие людей. Хотя посторонним запрещено было появляться на острове, но все же еще должны были быть здесь остатки когда-то бесчисленных толп дворцовой стражи, танцовщиц и музыкантов, поваров и прислужников за столом, садовников и рабов, которые все принадлежали ко дворцу императора.

Только дойдя до самой верхней террасы, Фаустина увидела двух старых рабов, сидевших на ступенях лестницы, которая вела к вилле. При ее приближении рабы встали и склонились перед ней в низком поклоне.

– Привет тебе, Фаустина, – сказал один из них, – боги посылают тебя, чтобы смягчить наши несчастья.

– Что это значит, Милон? – спросила Фаустина. – Почему здесь все так запущено? Ведь мне сказали, что Тиверий еще на Капри.

– Император разогнал своих рабов, потому что подозревает, будто один из нас дал ему отравленного вина и это вызвало его болезнь. Он прогнал бы и нас, если бы мы не отказались подчиниться ему. Ты же знаешь, что всю нашу жизнь мы служили императору и его матери.

– Я спрашиваю не только о рабах, – сказал Фаустина. – Где сенаторы и полководцы, где приближенные императора и все льстивые придворные прихлебатели?

– Тиверий не желает теперь показываться посторонним, – ответил раб. – Сенатор Люций и Макрон, начальник личной императорской стражи, являются сюда каждый день и получают приказания. Кроме них, никто не смеет видеть Тиверия.

Фаустина поднялась по лестнице к вилле; раб шел впереди ее, и на ходу она его спросила:

– Что говорят врачи о болезни императора?

– Никто из них не умеет лечить эту болезнь; они даже не знают, медленно ли она убивает или скоро. Но одно я тебе могу сказать, Фаустина: что Тиверий может умереть, если он и дальше будет отказываться от пищи из боязни быть отравленным. И я знаю, больной человек не может вынести бодрствования днем и ночью, как это делает Тиверий, боясь быть убитым во сне. Если он захочет довериться тебе, как в прежние годы, то тебе, может быть, удастся уговорить его есть и спать. Этим ты можешь продлить его жизнь на многие дни.

Поборов себя, Фаустина взошла на террасу и с ужасом увидела там отвратительное существо с распухшим лицом со звериными чертами. Руки и ноги несчастного были завернуты в белые бинты, и сквозь эти гнойные повязки видны были наполовину изъеденные болезнью пальцы рук и ног. Одежда этого человека была в пыли и грязи. Видно было, что он не в состоянии держаться на ногах и вынужден передвигаться по террасе только ползком. Сейчас он лежал с закрытыми глазами у самого края и не двигался, когда вошли раб и Фаустина. Но она шепнула рабу: «Однако, Милон, как посмел этот человек забраться на императорскую террасу, поторопись-ка выпроводить его...».

Но не успела она договорить, как увидела, что раб склонился к земле перед этим жалким человеком:

– Цезарь Тиверий, наконец могу принести тебе радостную весть!

И тотчас раб обернулся к Фаустине, но вдруг отскочил от нее, пораженный, и не смог более произнести ни одного слова. Он не узнал гордой матроны, которая за миг до этого выглядела такой могучей, что казалось, что она доживет до лет Сибиллы⁷. В это мгновение она поддалась бессильной старческой дряхлости и раб видел перед собой не гордую матрону, а согбенную старуху с померкшим взглядом и беспомощно трясущимися руками. Несмотря на то, что Фаустина была предупреждена, что больной император ужасно изменился, все же она ни одной минуты не переставала представлять его себе крепким человеком, каким он был, когда она видела его в последний раз. Она слышала от кого-то, что болезнь, поразившая Тиверия, изменяет человека медленно и что нужны целые годы, чтобы она изуродовала человека до неузнаваемости. Но здесь болезнь пошла вперед с такой силой, что обезобразила цезаря за довольно короткое время. Спотыкаясь, добрела Фаустина до императора. Она не в силах была говорить и молча плакала, стоя возле Тиверия.

– Ты пришла наконец, Фаустина, – промолвил он, не открывая глаз. – Я давно лежу тут, и мне все чудится, будто ты стоишь рядом и плачешь обо мне; и я не решаюсь взглянуть на тебя лишь из боязни, что это только обман моего больного воображения.

Тогда старуха рухнула около Тиверия, с нежностью приподняла его голову и, обхватив ее обеими руками, спрятала на своей груди. Но император продолжал тихо лежать и даже не взглянул на Фаустину; чувство тихого умиротворения наполнило его, и он тотчас погрузился в спокойный сон...

Спустя несколько недель один из рабов императора шел по направлению к хижине в Сабинских горах. Наступал вечер, и виноградарь с женой стояли в дверях и глядели на заходящее на далеком западе солнце. Раб свернул с дороги, подошел к хижине и приветствовал их. Затем он вытащил небольшой, но тяжелый мешок, спрятанный за поясом, и вложил его в руку виноградаря.

– Это шлет тебе кормилица императора Фаустина, старая женщина, к которой вы были так добры, – сказал раб. – Она велела мне сказать тебе, чтобы ты купил на эти деньги виноградник и построил себе жилище не так высоко в горах, как твое орлиное гнездо.

– Значит, старая Фаустина еще жива? – спросил виноградарь. – Мы искали ее во всех обрывах и болотах, когда она однажды не вернулась. Я думал, она погибла в какой-то пропасти или заблудилась в горах.

– Помнишь, – сказала жена виноградаря, – я все не хотела верить, что она умерла? Разве я не говорила тебе, что она вернулась к императору?

⁷ Сибиллы (Сивиллы) – в греческой мифологии пророчицы, прорицательницы, в экстазе предрекающие будущее (обычно бедствия). Здесь речь, видимо, идет о Куманской сибилле, которая получила от влюбленного в нее Аполлона дар прорицания и долголетие, но, позабыв вымолить себе вечную молодость, через несколько столетий превратилась в высохшую старушку (Овидий. «Метаморфозы». XIV. 103-153).

– Да, – подтвердил виноградарь, – ты действительно говорила это, и я радуюсь, что ты была права. Радуюсь не только тому, что Фаустина снова стала богатой и может спасти нас от бедности, но также – за бедного императора.

Раб хотел тотчас же уйти, чтобы засветло добраться до жилых мест, но муж и жена не отпустили его.

– Ты должен остаться у нас до утра, – говорили они, – мы не можем отпустить тебя раньше, чем ты расскажешь все, что испытала Фаустина. Почему вернулась она к императору? Какова была их встреча? Счастлива ли она теперь, что снова вместе с ним?

Раб уступил их просьбам. Он пошел вместе с ними в хижину и за ужином рассказал им о болезни Тиверия и о возвращении Фаустины. По окончании рассказа он увидел, что муж и жена сидят неподвижно, словно чем-то пораженные. Взоры их были опущены, как будто они желали скрыть волнение, овладевшее ими. Наконец виноградарь поднял глаза и, обращаясь к жене, сказал:

– Не думаешь ли ты, что это перст Божий?

– Да! – ответила она. – Наверное, именно ради этого Господь послал нас через море в эту хижину. Наверное, это Он подсказал старой кормилице постучаться в двери нашей хижины.

Едва она произнесла эти слова, как виноградарь снова обратился к рабу:

– Друг мой, – сказал он, – ты должен передать Фаустине мое поручение; скажи ей это слово в слово: «Вот что сообщает тебе твой друг виноградарь из Сабинских гор. Ты видела мою жену; не показалась ли она тебе цветущей здоровьем и красотой? И тем не менее эта молодая женщина раньше страдала той же болезнью, которая теперь поразила Тиверия».

Раб выразил удивление, но виноградарь продолжал все решительнее:

– Если Фаустина не захочет поверить моим словам, то скажи ей, что моя жена и я происходим родом из Палестины. В Азии, где эта болезнь встречается часто, существует закон, по которому прокаженные изгоняются из городов и деревень и должны жить в заброшенных местах или искать для себя убежища около гробниц и на горных утесах. Скажи Фаустине, что моя жена происходит от больных родителей и родилась в скалистой пещере. И пока она была ребенком, то была здорова, а когда стала взрослой девушкой, у нее появилась та самая болезнь, поразившая императора.

При этих словах виноградаря раб, смеясь, покачал головой и сказал ему:

– Так ты хочешь, чтобы Фаустина поверила тебе? Но как? Она ведь видела твою жену цветущей и здоровой. А ведь от этой болезни не существует никаких средств.

Однако виноградарь настаивал:

– Лучше всего было бы, если бы она захотела мне поверить, но, кроме того, я не без свидетелей: пусть пошлет она вестника в Назарет, в Галилею, там любой человек подтвердит мои слова.

– Быть может, твоя жена излечена чудом какого-либо бога? – с недоверием спросил раб.

– Да, – ответил виноградарь, – это было именно так, как ты говоришь.

И он продолжал свой рассказ:

«Однажды среди больных, живших в пустыне, разнеслась весть: говорили, что появился великий Пророк в городе Назарете⁸, в Галилее⁹, что Он преисполнен силы Духа Божия и может исцелить любую болезнь, если только возложит руку на лоб. Но больные, подавленные своим несчастьем, не хотели верить, что эта весть истинная. “Нас никто не может исцелить, – говорили они. – Со времен великого пророка никто не мог спасти ни одного из нас от великого

⁸ Назарет – небольшой городок (ныне Эль-Назира), расположенный на склоне живописного холма на запад от горы Фавор. В этом городе был дом Иосифа из колена Иудина, мужа Марии, Матери Иисуса, в котором Господь провел 30 лет Своей земной жизни до выхода на служение.

⁹ Галилея – одна из трех областей, на которые разделялась Палестина во времена римлян.

несчастья”. Но среди этих больных была одна, которая верила. Она ушла от остальных искать дорогу в Назарет, где жил Пророк.

И вот однажды, когда она шла по широкой равнине, то встретила одного Человека высокого роста, с бледным лицом и ниспадающими на плечи черными, блестящими локонами. Темные глаза Его светились как звезды и необъяснимо притягивали к Себе. Но, еще не приблизившись к Нему, она крикнула:

– Не подходи ко мне близко, потому что я заражена, но скажи, где могу я найти Пророка из Назарета?

Человек продолжал идти ей навстречу. Когда же Он подошел к ней совсем близко, то спросил ее:

– Зачем ты ищешь Пророка из Назарета?

– Я ищу Его, чтобы Он возложил Свою руку на мой лоб и исцелил меня от моей болезни.

Тогда Он подошел к ней и положил Свою руку на ее голову. Но она сказала Ему:

– Что пользы мне в том, что Ты возложил на меня Свою руку, ведь Ты не Пророк?

Но Он улыбнулся ей и сказал:

– Теперь иди в город, расположенный на склоне горы, и покажись священникам.

Несчастливая подумала про себя: “Он насмехается надо мной, от Него я, видимо, не узнаю ничего”. И она пошла дальше. А вскоре она увидела человека, ехавшего верхом. Когда он подъехал к ней так близко, что мог слышать ее, она крикнула ему:

– Не подходи ко мне близко – я заражена; но скажи мне, где я могу найти назаретского Пророка?

– Чего ты хочешь от Пророка? – спросил встречный и продолжал медленно приближаться к ней.

– Я хочу только, чтобы Он возложил руку мне на лоб и излечил бы меня от болезни.

Тогда всадник подъехал еще ближе:

– От какой болезни хочешь ты излечиться? – спросил он. – Ты вовсе не нуждаешься во враче.

– Разве ты не видишь, что я прокаженная? Я родилась от больных родителей в пещере скалы.

Но наездник не переставал приближаться к ней, потому что она была мила и привлекательна, как едва раскрывшийся прекрасный цветок.

– Ты самая красивейшая девушка в Иудейской стране! – воскликнул он.

– Перестань издеваться надо мной, я знаю, что лицо мое изъедено болезнью, а голос подобен вою дикого зверя.

Но он взглянул ей глубоко в глаза и сказал:

– Голос твой звучит как весенний ручеек, осторожно пробирающийся меж камней, а лицо – гладкое, как нежный шелк.

В эту минуту он подъехал так близко, что она могла увидеть свое лицо в блестящей обшивке седла.

– Посмотри здесь на свое отражение, – сказал он.

Она так и сделала и увидела свое лицо, нежное и мягкое, как только что раскрывшиеся крылышки бабочки.

– Что я такое вижу? Это не мое лицо.

– Это и есть твое лицо, – сказал ей путник.

– Но мой голос! Разве не звучит он как скрипучая телега, с трудом взбирающаяся в горы?

– Нет, он звенит, как самые нежные струны арфы, – ответил ей всадник.

Тогда она повернулась и, протянув руку, указала на дорогу.

– Знаешь ли ты вон Того Человека, Который сейчас скроется за двумя дубами? – спросила она всадника.

– Это и есть Тот, о Котором ты спрашивала, – Пророк из Назарета, – ответил он ей.

Пораженная этим известием, она закрыла руками лицо, и глаза ее тотчас наполнились слезами.

– О, Ты – Святой, Ты – Носитель Божией силы, – воскликнула она, глядя в сторону Незнакомца. – Ты исцелил меня!

И тогда всадник смело посадил ее на седло и привез в город, стоявший на обрыве горы. Он повел ее к старейшинам и священникам и рассказал им про чудесную встречу девушки и Пророка. Старейшины подробно расспрашивали его обо всем, но когда услышали, что девушка родилась в пустыне от родителей, больных проказой, то не поверили, что она излечилась.

– Возвращайся туда, откуда ты пришла, – сказали они. – Если ты больна, то должна такой оставаться весь свой век. Ты не смеешь приходить в город, чтобы не заразить нас своей болезнью.

Она же сказала им в ответ:

– Я знаю, что я здорова, потому что Пророк из Назарета возложил Свою руку мне на лоб.

При этих словах девушки они закричали:

– Кто Он такой, что может нечистых делать чистыми? Все это лишь ослепление от злых духов! Возвращайся обратно к своим родным, иначе ты погубишь нас!

Священники этого города не захотели признать девушку исцеленной и не позволили ей более оставаться в городе. Они объявили, что всякий, кто окажет ей гостеприимство, будет считаться заразным. Когда же жрецы изрекли такой приговор, девушка с горечью обратилась к молодому человеку, нашедшему ее в поле:

– Куда мне теперь идти? Должна ли я снова вернуться в пустыню к больным родителям?

Всадник же посадил ее в седло рядом с собою и ответил:

– Конечно, нет. Ты не должна возвращаться к ним пещеру. Лучше уйдем отсюда вдвоем – за море, в иную страну, где нет закона для “чистых” и “нечистых”.

И они оба...»...

На этом месте виноградарь оборвал свой рассказ, потому что раб поднялся и произнес:

– Тебе незачем дальше рассказывать, лучше проводи меня часть дороги, так как ты знаешь путь в город. Я хочу сегодня же отправиться обратно, не дожидаясь утра. Император и Фаустина, не теряя времени, должны тотчас же узнать обо всем, что ты мне поведал.

Когда виноградарь проводил раба и указал ему дорогу, то, вернувшись в хижину, нашел свою жену еще не спящей.

– Я не могу уснуть, – сказала она, – и все думаю о том, как встретятся эти двое – Один, Который любит всех людей, и другой, который их ненавидит. Кажется, эта встреча должна сдвинуть Тиверия с пути ненависти.

Она думала о встрече императора и Пророка из Назарета.

Старая Фаустина прибыла в далекую Палестину, направляясь в Иерусалим. Она никому другому не хотела уступить поручение найти Пророка и привести Его к императору. Разумеется, при этом она думала так: «Того, что мы хотим от Этого чужого Человека, нельзя добиться силой или купить за деньги. Но, может быть, Он поможет нам, если кто-нибудь упадет к Его ногам и расскажет Ему, в какой беде находится император. Но кто же будет более пламенно просить за Тиверия, чем я, которая страдает от этого несчастья так же тяжело, как и он сам?!».

Старая кормилица даже помолодела от надежды на то, что, быть может, удастся спасти Тиверия. Без труда перенесла она далекое морское плавание до Яффы¹⁰ и дорогу до Иерусалима совершила не в носилках, а верхом. Казалось, что она переносит трудное путешествие так же легко, как и благородные римляне, солдаты и рабы, которые составляли ее свиту. Это путешествие от Яффы до Иерусалима наполняло сердце Фаустины радостью и светлой надеждой.

Была весна, и Саронская долина¹¹, по которой они ехали в первый день, представляла собой сверкающий ковер цветов. И на второй день, когда группа уже вступила на Иудейские горы, цветы все еще составляли основу горных пейзажей. Все разнообразные холмы, между которыми вилась дорога, были покрыты плодовыми деревьями, которые были в самом роскошном цветении в это время года.

А когда путешественники уставали глядеть на бледно-розовые цветы персиковых и абрикосовых деревьев, глаза их отдыхали, любясь молодыми побегами винограда, пробивавшимися сквозь темно-коричневые лозы.

Но не только цветы и весенняя зелень делали путешествие Фаустины и ее свиты привлекательным; больше всего обращали на себя внимание многочисленные пестрые толпы людей, попадавшиеся в это утро всюду по пути в Иерусалим. Со всех дорог и тропинок, с одиноких вершин и из самых отдаленных уголков долины шли необычные странники. Достигнув большой дороги, ведущей в Иерусалим, отдельные путники соединялись в большие толпы и отсюда шли вместе в самом радостном настроении.

Вот едет почтенный старик, сидящий на верблюде, рядом идут его сыновья и дочери, зятья и невестки и все его внуки. Это такая огромная семья, что она составляет маленький отряд. Мать-старуху, слишком слабую, чтобы идти пешком, сыновья посадили на плечи. Гордая своими детьми, она так и продвигалась далее сквозь почтительно расступающуюся толпу.

Это было какое-то особенное утро, которое могло наполнить радостью даже самое удрученное сердце. Небо, правда, было не совсем ясным, а покрыто легкими серовато-белыми облаками. Но никому из путников не приходило в голову огорчаться, так как облака смягчали палящий, резкий свет солнца. Под этим затуманенным небом благоухание цветущих деревьев и молодой листвы не так быстро, как обыкновенно, уносилось высоко в пространство, а как бы ложилось в низине по пути следования путников. И этот дивный день, своим бледным приглушенным светом и неподвижным воздухом несколько напоминающий мирный покой ночи, казалось, придавал людям какое-то особенное настроение, так что все шли вперед радостные,

¹⁰ Яффа (Иоппия) – один из древнейших городов Азии на северо-западном берегу Средиземного моря, в 37 английских милях от Иерусалима.

¹¹ Саронская долина (равнина) – название хорошо известной равнины в Палестине. Славилась своей красотой и плодородием и изобиловала цветами и плодоносными деревьями. Была населена. В настоящее время утратила прежнюю красоту и оживленность.

торжественные, напевая вполголоса древние еврейские гимны и играя на старинных инструментах, звучавших в сопровождении мерного жужжания мух и стрекотания кузнечиков.

Старая Фаустина продвигалась вперед вместе со всеми этими людьми, заражаясь их бодростью и радостью, и то и дело подгоняла своего коня. Обращаясь к молодому римлянину, ехавшему рядом с ней, она произнесла:

– Сегодня ночью видела во сне Тиверия, и он просил меня не задерживаться в пути, а достигнуть Иерусалима непременно сегодня. Мне кажется, боги хотели этим напомнить мне, что надо приехать в Иерусалим в это прекрасное утро, именно сегодня.

В это время они достигли самого высокого места длинного горного хребта, и тут Фаустина невольно придержала коня. Перед ней лежала большая, глубокая котловина, окруженная живописными холмами, а из темной глубины ее выступали тенистые скалы, приютившие на своей вершине город Иерусалим.

Этот горный тесный городок, своими стенами и башнями окружавший вершину скалы словно драгоценной короной, в этот день бесконечно разросся: все окрестные холмы, поднимавшиеся из долины, покрылись цветными палатками, и улицы оживились людским шумом. Фаустина видела, как все население страны направляется в Иерусалим, чтобы праздновать какой-то великий Праздник. Жители более отдаленных местностей прибыли сюда заранее и разбили уже свои палатки, а живущие вблизи Иерусалима еще только подходили. Со всех сторон спускались они теперь с холмов непрерывным смешанным потоком, в основном в белых одеждах, с настроением праздничного, сверкающего веселья. Фаустина обратилась к ехавшему рядом с ней молодому римлянину:

– Должно быть, Сульпиций, весь народ пришел сегодня в Иерусалим.

– Это так и есть, – ответил римлянин, которого Тиверий назначил сопровождать Фаустину, так как тот несколько лет жил в Иудее. – Они празднуют теперь большой весенний Праздник. И в это время все – и стар и млад – направляются в Иерусалим.

Фаустина задумалась на мгновенье.

– Я рада, – сказала она, – что мы прибудем в город в день народного праздника. Это служит важным предзнаменованием, что боги благопритствуют нашей поездке. Не думаешь ли ты, что и Тот, Которого мы ищем, Пророк из Назарета, тоже придет в Иерусалим, чтобы принять участие в празднестве?

– Ты права, Фаустина, – ответил римлянин, – Он, вероятно, в Иерусалиме. Это действительно веление богов. Как ни крепка и сильна ты, можешь все же считать себя счастливой, что тебе не придется совершить далекое и утомительное путешествие в Галилею в поисках Пророка.

Затем он подъехал к проходившим мимо путникам и спросил, не знают ли они, находится ли Пророк из Назарета в Иерусалиме.

– Мы видели Его там каждый год в это время, – ответил один из них, – наверное, и в этом году Он пришел сюда, как богобоязненный и праведный Человек.

Какая-то иудейка подошла к Фаустине и, протянув руку, указала на холм, лежавший на восток от города.

– Видишь, – сказала она, – горный склон, поросший оливковыми деревьями? Там обыкновенно располагаются галилеяне со своими палатками, там ты и можешь получить верные сведения о Том, Кого ищешь.

Фаустина со спутником продолжали свой путь и спустились по извилистой тропинке в глубину долины. Затем начали подниматься на гору Сион¹², чтобы на вершине ее войти в Иеру-

¹² Сион – юго-западная гора в Иерусалиме, на которой возвышается крепость Иерусалимская. Сион со всех четырех сторон окружен долинами. До времен Давида Сион находился во власти иевусеев (народ, проживавший в Ханаане еще до прихода израильтян), и они имели здесь свою крепость. Давид взял эту крепость, распространил, обстроил и украсил ее, и с этого времени Сион сделался городом Давидовым и столицей Иудеи (2 Цар. 5; 79. 6; 12, 16. 3 Цар. 8; 1). Давид воздвиг здесь новое

салим. Круто поднимающаяся дорога была ограждена здесь низкими стенами, на которых стояли и лежали без числа нищие и калеки, просившие милостыни у путешественников. Во время медленного подъема знакомая иудейка снова подошла к Фаустине.

– Смотри, – указала она ей на нищего, сидевшего на стене, – это житель Галилеи. Я вспоминаю, что видела его среди почитателей Пророка; он может сказать тебе, где Тот, Которого ты ищешь.

Фаустина с Сульпицием подъехали к этому человеку. То был бедный старик с длинной седой бородой. Лицо его загорело от знойного, яркого солнца, а руки были в мозолях. Он не просил милостыни и казался до того погруженным в печальные думы, что даже не взглянул на подъехавших всадников. Он не слышал, как Сульпиций заговорил с ним, и римлянин должен был несколько раз повторить свой вопрос:

– Друг мой, мне сказали, что ты галилеянин. Скажи мне, где я могу найти Пророка из Назарета.

Житель Галилеи, расслышав наконец вопрос, нервно вздрогнул и посмотрел на Сульпиция как обезумевший. Когда он понял, чего от него хотят, то пришел в какое-то гневное раздражение, смешанное одновременно со страхом и непонятным ужасом.

– О чем ты говоришь? – набросился он на римлянина. – Почему ты спрашиваешь меня об Этом Человеке? Я ничего не знаю о Нем. Я не галилеянин.

Тут иудейка вмешалась в разговор:

– Ведь я же сама видела тебя с Ним, не бойся и скажи этой знатной римлянке, к которой император Тиверий питает дружбу, где она может без проблем найти Пророка.

Но испуганный ученик Иисуса, а это был именно он, еще более раздражился.

– Не сошли ли сегодня все с ума, – наигранно и испуганно воскликнул он, – или в вас вселился злой дух, что все вы один за другим приходите ко мне и спрашиваете о Пророке? Отчего никто не хочет мне верить, когда я говорю, что не знаю Его и даже никогда не видел?

Возбуждение говорившего привлекло к себе внимание, и несколько нищих, сидевших на стене рядом с ним, тоже начали спорить со странным стариком.

– Конечно, ты принадлежал к Его последователям, – сказали они, – мы все знаем, что ты пришел с Ним из Галилеи.

Но человек поднял обе руки к небу и отчаянно воскликнул:

– Я сегодня не мог остаться в Иерусалиме из-за Него, и теперь меня не хотят оставить в покое и здесь, среди нищих. Почему не хотите вы мне верить, когда я говорю, что никогда не видел Его?

Фаустина отвернулась и пожала плечами.

– Поедем дальше, – сказала она, – этот человек безумный, от него мы ничего не добьемся.

И они продолжали взбираться на гору. Фаустина была уже в двух шагах от городских ворот, когда иудейка, желавшая помочь им найти Пророка, крикнула старухе, чтобы она придержала коня. Фаустина остановилась и увидела, что прямо у ног лошади на земле лежит человек; он распростерся в пыли дороги как раз там, где была страшная толчея, и надо было считать чудом, что его еще не раздавили животные и люди.

Человек лежал на земле с устремленным вперед потухшим, ничего не видящим взором. Он почти не двигался, когда верблюды ступали подле него своими тяжелыми ногами. Одет он был бедно и к тому же перепачкался в дорожной пыли и грязи, но как будто не замечал этого.

укрепление. В скалах Сиона были гробницы Давида и других царей. Ныне стена города проходит по хребту Сиона, так что южная часть горы лежит вне города. В Священном Писании Сион называется просто Сионом, городом Давидовым, горою святою, жилищем и домом Божиим, царственным городом Божиим, принимается за самый Иерусалим, за колено Иудино и царство Иудейское, за всю Иудею и за весь народ иудейский. У пророков имя Сион часто означает Царство Божие во всей его полноте, на земле и на небе, до окончательного совершения всего в вечности. Наконец, в прообразовательном смысле Сион представляется как место жительства Божия на Небесах, как место высочайшего откровения славы.

Более того, медленными движениями он осыпал себя песком, так что казалось, будто он хочет от кого-то спрятаться или закопаться.

– Что это значит? Почему этот странный человек лежит на дороге?

В это время лежавший с горьким отчаянием начал окликать путешественников:

– Братия и сестры, будьте милостивы, наступите на меня вместе с вашими вьючными животными и лошадьми! Растопчите меня в пыль! Я предал Невинную Кровь!

Сульпиций взял лошадь Фаустины за повод и отвел ее в сторону.

– Это кающийся грешник, – сказал он, – не задерживайся из-за него. Это люди особенные, не обращай на него внимания.

Человек же на дороге продолжал кричать:

– Ступайте ногами на сердце мое... Пусть верблюд проломит мне грудь, а осел выдавит копытами мои глаза!

Но Фаустина не в силах была пройти мимо несчастного, не попытавшись заглянуть в его глаза; она все еще стояла около него.

Иудейка, которая уже раз хотела ей услужить, снова протиснулась к Фаустине:

– И этот человек принадлежит к ученикам Пророка, – сказала она. – Хочешь ли, чтобы я спросила его об Учителе?

Фаустина утвердительно кивнула головой, и женщина наклонилась над лежащим.

– Что сделали вы, галилеяне, с вашим Учителем сегодня? Я вижу вас рассеянными по всем дорогам и тропинкам, а Его не вижу нигде.

Когда женщина произнесла эти слова, лежащий привстал на колени.

– Какой злой дух внушил тебе спрашивать меня о Нем? – спросил он голосом, полным отчаяния. – Ты видишь, что я бросился на землю, чтобы быть растоптанным? Разве этого мало тебе? Зачем же ты приходишь еще спрашивать меня, что сделал я с Ним?

– Не понимаю, в чем упрекаешь ты меня? – ответила женщина. – Я хотела только узнать, где твой Учитель.

При повторении этого вопроса галилеянин вскочил и заткнул уши пальцами.

– Горе тебе, что не даешь мне спокойно умереть! – крикнул он.

Он кинулся сквозь толпу, теснившуюся перед воротами, и побежал, рыдая от отчаяния и размахивая отряпьями своей одежды, как черными крыльями.

– Мне кажется, – сказала Фаустина, что мы пришли к безумному народу.

Вид учеников Пророка привел ее в отчаяние.

– Разве сможет Человек, за Которым следуют такие безумцы, сделать что-нибудь для императора? – произнесла она.

Еврейка имела очень опечаленный вид и весьма серьезно сказала Фаустине:

– Госпожа, не медли отыскать Того, Кого ты хочешь видеть. Я боюсь, не случилось ли с Ним чего-нибудь дурного, раз все Его ученики как будто лишились разума и не могут вынести ни одного вопроса о Нем.

Фаустина и ее свита миновали наконец ворота города и вступили в узкие, темные улицы, кишевшие людьми. Казалось почти невозможным пройти через город. Шаг за шагом верховые должны были останавливаться. Напрасно рабы-солдаты пытались очистить дорогу. Люди не переставали то и дело собираться в густые, непрерывные стихийные потоки. Толпа заполонила все свободные островки улиц и переулков.

– Да, широкие улицы Рима – это тихие парки в сравнении с этими улочками, – сказала Фаустина.

Сульпиций вскоре убедился, что дальше их ожидают еще более непреодолимые препятствия.

– В этих переполненных улицах, пожалуй, легче идти пешком, чем ехать, – сказал он, обращаясь к Фаустине. – Если ты не слишком устала, я бы советовал тебе дойти пешком до

дворца наместника¹³. Правда, это далеко отсюда, но на лошади ты едва ли доберешься раньше полуночи.

Фаустина тотчас согласилась на это предложение. Она сошла с коня и отдала его на попечение рабу. Затем они продолжали путь по городу пешком и довольно скоро добрались до центра Иерусалима. Сульпиций указал на тянущуюся прямо перед ними узкую улицу, в которую они должны были сейчас вступить.

– Видишь, Фаустина, – сказал он, – когда мы доберемся до этой улицы, то уже недалеко будем от нашей цели. Улица ведет прямо ко дворцу наместника.

Но тут они встретили неожиданное препятствие, задержавшее надолго их путь. Едва Фаустина и ее свита достигли улицы, тянувшейся ко дворам наместника, к «Вратам справедливости»¹⁴ и на Голгофу¹⁵, дорогу им преградило скорбное шествие с преступниками, приговоренными к распятию на крестах.

Впереди римских легионеров, ведущих осужденных на казнь, бесновались кучки молодых дикарей, спешивших насладиться зрелищем казни. Хищно кружились они на улице, потрясая и наполняя ее диким ревом, в восторге, что удастся поглазеть на нечто такое, что случается видеть не каждый день.

За осужденными шли толпы людей в длинных одеждах, которые, по-видимому, принадлежали к самым знатным лицам в городе. Позади них скорбно брели женщины в черных покрывалах, среди которых большинство было с заплаканными лицами. Сзади примыкали нищие и калеки, издававшие дикие и оглушительные вопли.

– О, Господи, – кричали они, – спаси Его, пошли Ему Твоего Ангела в эти последние минуты!

Наконец, показалось несколько римских солдат на больших лошадях. Они следили за тем, чтобы никто не осмелился приблизиться к главному Осужденному и попытаться освободить Его. Вслед за солдатами шли палачи, которые должны были вести Человека, приговоренного к распятию. Они взвалили Ему на плечи большой, тяжелый деревянный крест. Несчастный был слишком слаб для этой ноши. Изнемогая под тяжестью креста, Он почти всем телом пригнулся к земле, а голову склонил так низко, что никто не мог видеть Его лица.

Фаустина стояла на углу маленького поперечного переулочка и смотрела на мучительное шествие приговоренного к смерти.

С удивлением заметила она, что на Нем был пурпурный плащ, а на голову надвинут был терновый венец.

– Кто Этот Человек? – спросила она.

Кто-то из толпившихся тут сказал:

– Это Тот, Который хотел стать царем.

– Тогда по еврейским законам Он должен претерпеть смерть... – грустно сказала Фаустина.

¹³ Наместник – царский представитель в покоренной области. Здесь титул «наместник» относится к прокуратору, верховному чиновнику администрации имперской провинции, в которой не было легата (легат – в Древнем Риме назначавшийся сенатом посол или уполномоченный), к Понтию Пилату (Лк. 3; 1). Понтий Пилат – римский наместник (прокуратор) Иудеи, Самарии и Идумеи с 26 г. до 36 г.

¹⁴ Судные Врата – врата в древнем Иерусалиме, через которые, выйдя из города, проходил на Голгофу осужденный на казнь. Перед вратами приговоренному в последний раз зачитывали смертный приговор. Эта была последняя возможность подать апелляцию. После прохождения Судных Врат приговор не подлежал обжалованию.

¹⁵ Голгофа (череп), иначе краниево лобное место – горная возвышенность на северо-запад от Иерусалима, на которой был распят Господь. Голгофа находилась недалеко от города (Ин. 19; 20), ныне же находится в самом городе, близ западной его оконечности и вся обстроена священными зданиями, в ознаменование священных мест и событий распятия, крестных страданий, погребения и воскресения Спасителя. Название Голгофы дано этому священному месту, вероятно, по сходству означенной местности с формой черепа или потому, что здесь часто были видимы черепа казненных преступников.

Осужденный спотыкался под тяжестью креста. Все медленнее продвигался Он вперед. Палачи обвили Его тело веревками и теперь начали тянуть за них, чтобы заставить Его идти скорее. Но, когда они натянули веревки, Осужденный упал и остался лежать, придавленный сверху крестом. Тут в толпе произошло большое смятение, римляне-всадники с большим трудом сдерживали народ. Они мечами загородили дорогу нескольким женщинам, спешившим помочь упавшему. Палачи пытались ударами и пинками заставить подняться Страдальца. Но тяжесть навалившегося креста не позволяла Ему встать. Наконец палачи сами сняли с Него крест. Тогда Он поднял голову, и тут только старая Фаустина смогла разглядеть Его лицо. На щеках Его горели красно-багровые пятна от ударов, а со лба, израненного тернием венка, струились капли Крови. Волосы сбились в беспорядочные пряди, слипшиеся от пота и Крови. Рот был крепко сомкнут, губы дрожали, как бы борясь с готовым вырваться из запекшихся уст криком. Глаза, полные страдания, остановились и почти потухли от невыносимой боли и изнеможения. Но за устрашающим видом Этого полумертвого Человека старухе представилось, как бы в видении, прекрасное, утонченное лицо с дивными, благородными чертами, освященное величаво-проникновенным взором царственных очей, – и все существо Фаустины внезапно охватили глубокая скорбь и проникновенное сочувствие к мукам и унижениям Этого совершенно чужого ей Человека.

– О Ты, несчастный, что они сделали с Тобой?.. – воскликнула она и рванулась к Иисусу в порыве невыразимого сострадания. Глаза ее наполнились слезами, она забыла о своих собственных заботах и печалях при виде страданий Этого замученного Человека. Ей казалось, что сердце ее разорвется на части; подобно другим женщинам, она готова была поспешить выхватить Его из рук негодяев.

Осужденный видел, что она бежит к Нему, и подался всем немощным телом ей навстречу. Казалось, Он хотел найти у нее защиту от мучителей, которые преследовали и истязали Его. На какой-то миг, как дитя, которое ищет пристанища около матери, Он приклонил к ней Свою голову. Слезы полились из глаз старой кормилицы, и она вдруг почувствовала блаженную радость оттого, что Приговоренный нашел у нее сострадание. Она наклонилась к Нему и как мать, которая раньше других осушает слезы на глазах своего дитяти, приложила к Его лицу свой платок из холодящего тонкого полотна, чтобы стереть с Его Божественного Лица слезы, пот и Кровь...

Но в это мгновение палачи наконец подняли крест. Они подошли к Назарянину и поволокли Его за собой. Обозленные промедлением, они со зверской грубостью тащили Страдальца по земле. Он застонал, но не оказал никакого сопротивления. Фаустина же обхватила Его, чтобы удержать, и, когда ее слабые, старые руки оказались бессильны что-либо сделать, ей показалось, будто у нее отняли ее собственное дитя... И она закричала:

– Нет, не берите Его... Он не должен умереть... Не должен!..

Она почувствовала вдруг нестерпимую сердечную боль и праведный гнев оттого, что солдаты грубо оттолкнули Его от нее и снова потащили ко кресту. Его увели, она же беспомощно протягивала вслед Ему руки. Фаустина хотела броситься вслед палачам и отнять Его. Но едва она сделала шаг, как почувствовала головокружение и стала медленно оседать вниз. Сульпиций поспешил обнять и поддержать ее, чтобы предупредить падение. На одной стороне улицы он увидел маленькую темную лавчонку и внес туда Фаустину на руках. Там не было ни стула, ни скамейки, но купец был сострадательным человеком, он достал подстилку и приготовил Фаустине ложе на каменном полу. Она не потеряла сознание, но головокружение ее было так сильно, что она не в силах была держаться на ногах и должна была лечь.

– Эта женщина проделала сегодня длинное путешествие, и шум и толкотня в городе оказались ей не под силу, – сказал Сульпиций купцу. – Она очень стара, никто не бывает настолько крепок, чтобы старость наконец не одолела его.

– Да и для того, кто даже не особенно стар, сегодня тяжкий день, – ответил, вздохнув, купец. – Воздух так удушлив, что нечем дышать в городе. Я не удивлюсь, если разразится гроза.

Сульпиций склонился над старухой и прислушался к ее дыханию; она, казалось, успокоилась и заснула после утомления и перенесенных волнений. Слуга отошел к двери и оттуда наблюдал далее за движением уличной толпы, ожидая пробуждения Фаустины.

Римский наместник в Иерусалиме имел молодую жену, и накануне того дня, когда Фаустина пришла в Иерусалим, она ночью видела необыкновенный сон.

Снилось ей, что стоит она на крыше своего дома и смотрит на большой красивый двор, который, по восточному обычаю, выложен мрамором и обсажен благородными растениями.

И видится ей, что на дворе мелькают какие-то безумные люди – чумные с распухшими телами, прокаженные с изъеденными лицами, параличные, со всего света, которые не могут двинуться и лежат беспомощно на земле, а также – бесконечная вереница других несчастных, пораженных страшными страданиями и болезнями. Все они стремятся ко входу во дворец, а некоторые из близко стоящих резкими ударами стучатся в двери. Наконец она увидела, что раб открыл дверь и вышел на порог, и слышала, как он спросил, чего они хотят.

Они ответили:

– Мы ищем Великого Пророка, посланного Господом на землю. Где Пророк из Назарета, где Тот, Который может избавить нас от наших мучений?

Тогда раб ответил равнодушно-презрительным тоном, как это делают барские слуги, прогоня бедных просителей:

– Вы напрасно будете искать своего Пророка. Пилат умертвил Его.

Тогда между больными поднялись такой плач, рыдания и скрежет зубов, что молодая женщина не в силах была слышать это. Сердце ее разрывалось от страдания, и слезы лились из ее глаз. От этих рыданий она проснулась.

Она снова задремала, и снова ей приснилось, что она на крыше своего дома и глядит оттуда на двор, огромный, как базарная площадь.

И снова видела она: двор наполнился людьми, которые лишились рассудка, безумствовали и одержимы были злыми духами. И видела таких, которые разделались догола; и таких, которые запутались в свои длинные волосы; и таких, которые сплели себе короны из соломы и мантии из зелени и считали себя царями; и таких, которые ползали на полу и считали себя зверями; и таких, которые неудержимо плакали от горя, которого она не могла даже назвать. Еще таких, которые таскали тяжелые камни, принимая их за золотые слитки, и таких, которые думали, что устами их говорят бесы. Она видела, как все эти люди теснились к воротам дворца, и передние стучали и шумели, требуя, чтобы всех их впустили.

Наконец дверь раскрылась и раб вышел на порог и спросил, что им нужно.

Тогда они все начали шуметь и говорить:

– Где Великий Пророк из Назарета? Тот, Который послан Богом и должен вернуть нам наши души и наш разум?

Она слышала, как раб равнодушно ответил:

– Поздно спохватились вы спрашивать о Великом Пророке – Пилат умертвил Его.

При этих словах все безумные завопили, как дикие звери, и в отчаянии стали рвать на себе тело, и кровь их стекала на мрамор. И женщина, видевшая во сне их безутешную горе, начала ломать свои руки и рыдать. Но собственные рыдания разбудили ее.

Снова она заснула и опять увидела себя на крыше своего дома. Вокруг нее сидели ее рабыни, игравшие на лютнях¹⁶ и кимвалах¹⁷; миндальные деревья склонили над нею свои ветви, обвитые благоухавшими ползучими розами.

¹⁶ Лютня – старинный струнный щипковый музыкальный инструмент.

Сидя так, она услышала чей-то голос, сказавший:

– Подойди к ограде, окружающей крышу, и погляди на твой двор.

Но во сне она отказалась, говоря:

– Я не хочу никого больше видеть из тех, которые сегодня ночью толпились на моем дворе.

В то же время донеслись до нее оттуда звяканье цепей, удары тяжелых молотов и стук дерева о дерево. Рабыни перестали петь и играть, подбежали к ограде и стали глядеть вниз, и она не могла далее оставаться на своем месте и также пошла поглядеть. И вот увидела она, что ее дом наполнился заключенными со всего света: собрались сюда люди, сидевшие до того в тяжелых тюремных подвалах, закованные в тяжелые железные цепи. К ним подходили другие, работавшие в темных шахтах и тащившие за собой тяжелые молоты; гребцы с военных судов явились сюда со своими большими, окованными в железо веслами. Пришли осужденные на распятие и притащили с собой свои кресты, а осужденные на обезглавливание пришли с топорами и плакали. Рабы, пленники, увезенные из дальних стран, смотрели на молодую женщину глазами, горевшими тоской о родине. Это были несчастные, которых принуждали работать как вьючных животных, а спины их были исполосованы кровавыми следами от ударов бичей.

Все эти несчастные ломались в двери, издавая вопли, как бы исходившие из одной огромной груди:

– Отвори! Отвори!

Тогда раб, охранявший вход, вышел за двери и спросил:

– Что вам нужно?

И, подобно другим, они ответили:

– Мы ищем Великого Пророка из Назарета, сошедшего на землю, чтобы дать свободу заключенным и счастье рабам.

Но раб ответил им усталым и равнодушным тоном:

– Вам Его здесь не найти... Пилат умертвил Его!

И, едва эти слова коснулись слуха несчастных, толпившихся во дворе, они ответили на них таким взрывом отчаяния и озлобления, что женщина даже во сне могла слышать, как задрожали земля и небо. Сама она онемела от ужаса и так затряслась всем телом, что проснулась.

Придя в себя, она села в постели и подумала: «Не хочу больше видеть снов. Теперь я буду бодрствовать всю ночь, чтобы не видеть больше таких ужасов».

Едва успела она это подумать, как сон снова одолел ее. Она склонила голову на подушки и заснула.

Снова увидела она себя на крыше своего дома, а маленький сын ее бегал тут же и играл мячом.

Но вот невидимый голос сказал ей: «Подойди к ограде, окружающей твою крышу, и погляди, что это за люди собрались на твоём дворе и чего они ждут?».

Она во сне сказала себе: «Довольно горя видела я в эту ночь. Большого я не могу вынести. Я хочу остаться здесь, на своем месте». Но тут мальчик бросил свой мяч через ограду и полез было достать его. Мать испугалась, побежала за ребенком и схватила его.

Но при этом она взглянула вниз и увидела, что двор полон людей. Там собрались теперь со всего света раненые на войне. Они пришли сюда с искалеченными телами, с отрубленными руками или ногами, с большими открытыми ранами, из которых струилась кровь, так что марморный помост двора был залит ею. И рядом с ними теснились все потерявшие на полях битв своих любимых и близких. Тут были сироты, оплакивавшие своих покровителей, молодые женщины, звавшие любимых мужей, и старики, плакавшие по своим сыновьям. Ближайшие тесни-

¹⁷ Кимвал – древний ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух медных тарелок или чаш.

лись к двери, и страж, как и раньше, пришел и открыл ее. Он спросил всю эту толпу несчастных и искалеченных в разных войнах людей, потерявших родных и друзей:

– Чего ищете вы в этом доме?

И они ответили:

– Мы ищем Великого Пророка из Назарета, Который уничтожит войны и распри на земле и принесет вечный мир. Мы ищем Того, Который перекует копьё в косы, а мечи в серпы!

Тогда раб нетерпеливо ответил:

– Не приходите больше мучить меня, ведь я уже несколько раз говорил вам, что здесь нет Великого Пророка, Пилат умертвил Его!

Затем он запер дверь. А молодой женщине представился теперь во сне весь ужас, который вызовут эти слова у собравшихся.

– Я не хочу этого слышать, – сказала она и отбежала от ограды. В это время она проснулась и увидела, что в страхе соскочила с постели и стоит теперь на холодном каменном полу. И снова она подумала, что не хочет больше видеть сны и постарается не засыпать. Однако по-прежнему сон одолел ее, глаза закрылись, и она задремала.

Еще раз она увидела себя сидящей на крыше дома, а рядом с собой своего мужа. И она рассказывала ему обо всех своих снах, а он высмеивал ее.

Тогда снова услышала она голос:

– Иди и погляди на людей, ожидающих на дворе.

Но она подумала: «Я не хочу больше глядеть туда, достаточно несчастных прошло сегодня перед моими глазами». В это время она услышала три резких удара в дверь. Муж ее тоже подошел, чтобы поглядеть, кто это хочет войти.

Но едва он перегнулся через ограду, как тотчас же знаком позвал к себе жену.

– Может быть, ты разглядишь, что это за человек там, у входа? – спросил он и указал ей на дверь.

Взглянув туда, она увидела, что весь двор наполнился всадниками и лошадьми, а рабы разгружали вьючных ослов и верблюдов. У входной же двери стоял незнакомец – старик высокого роста, широкоплечий, с мрачным, печальным лицом, с виду знатный путешественник. Жена наместника тотчас же узнала его и шепнула своему мужу:

– Это Цезарь Тиверий, прибывший в Иерусалим.

– Это не может быть никто иной, и мне кажется, я его узнаю, – сказал ей муж.

Знаком он велел ей молчать и прислушаться к тому, что говорят во дворе; оба они видели, что привратник вышел и спросил старика: «Кого ты ищешь?».

И тот ответил:

– Я ищу Великого Пророка из Назарета, Которого Бог одарил чудесной силой. Скажите, что император Тиверий зовет Его, чтобы Он исцелил его от ужасной болезни, от которой никакой врач помочь не может.

Раб низко склонился и сказал:

– Господин, не гневайся, но твое желание не может быть исполнено.

Тогда император обернулся к рабам, ожидавшим на дворе, и сделал им знак. Рабы поспешили к нему. У одних руки были полны драгоценных камней, другие несли чаши с жемчугом, а некоторые тащили мешки, полные золота. И сказал император рабу, охранявшему двор:

– Все это будет принадлежать Ему, если Он поможет мне. Этим Он может обогатить бедных всего мира.

Но привратник еще ниже поклонился и сказал:

– Господин, не гневайся на своего слугу, но желание твое не может быть исполнено.

Тогда император вторично дал знак рабам, и двое из них поспешили к нему с богато затканым одеянием, на котором сверкал нагрудник, весь в драгоценных камнях. Император сказал рабу:

– Видишь то, что я Ему предлагаю, всю власть над Иудеей? Он будет вершителем судеб Своего народа, пусть только исцелит меня.

Но раб склонился теперь до самой земли и сказал:

– Господин, не в моей власти тебе помочь.

Тогда император в третий раз дал знак рабам, и те принесли золотой обруч и пурпурную мантию.

– Слушай, – сказал он, – передай Ему, что такова воля императора: он благоволит назначить Его своим наследником и отдать Ему владычество над миром. Он получит силу управлять вселенной, согласно закону Своего Бога. Пусть Он только протянет руку и исцелит меня.

Тут раб бросился на землю к ногам императора и жалобно простонал:

– Господин, не в моей власти исполнить твою волю. Тот, Которого ты ищешь, не существует больше. Пилат умертвил Его.

Когда молодая женщина проснулась, был уже светлый день и рабыни стояли тут и ждали приказания помочь своей госпоже при одевании.

Она была очень молчалива, пока ее одевали, но наконец спросила рабыню, причесывавшую ее:

– Встал ли муж?

И узнала, что его уже позвали в суд, чтобы разбирать дело какого-то преступника.

– Я хотела бы поговорить с мужем, – сказала она.

– Госпожа, – ответила рабыня, – это трудно сделать во время разбора дела. Мы дадим тебе знать, как только дело кончится.

Молча сидела она, пока ее одевали. Затем спросила, не слышал ли кто из рабынь каких-нибудь разговоров о Пророке из Назарета.

– Пророк из Назарета – это иудейский Чудотворец, – тотчас ответила одна из рабынь.

– Удивительно, что ты, госпожа, как раз сегодня спрашиваешь о Нем, – сказала другая рабыня. – Его-то именно и привели сюда иудеи, чтобы наместник допросил Его.

Молодая женщина приказала тотчас же пойти и справиться, в чем обвиняют Пророка, и одна из рабынь отправилась туда. Вернувшись, она сказала:

– Они обвиняют Его в том, что Он хотел объявить Себя царем этой страны, и люди зывают к наместнику, чтобы он приказал распять Этого Человека.

Услышав это, жена наместника испугалась и неуверенно принесла:

– Но я должна говорить с моим мужем! Иначе совершится неслыханное несчастье!

Когда рабыня снова повторила, что это невозможно, женщина стала дрожать и плакать, а другая рабыня, тронутая этим, сказала:

– Госпожа, если ты хочешь послать к наместнику записку, то я попытаюсь передать ее.

Жена наместника тотчас взяла палочку и написала несколько слов на восковой табличке, и это было передано Пилату. Но его самого женщина целый день не могла увидеть наедине, потому что, когда он отпустил евреев и они повели осужденного на место казни, настал час обеда и Пилат пригласил к себе нескольких римлян, бывших в это время в Иерусалиме.

Тут были начальники войск, молодой учитель ораторского искусства и еще другие. Обед проходил не особенно весело. Жена наместника сидела все время подавленная, не принимая никакого участия в разговоре.

Когда гости спросили, не больна ли она или чем опечалена, наместник, смеясь, рассказал о записке, которую она прислала к нему утром, и стал подшучивать над тем, как могла она подумать, что наместник римского императора может руководствоваться в своих поступках сновидениями жены.

Она ответила тихо и печально:

– Я убеждена, что это был не сон, а откровение богов. Ты мог бы, во всяком случае, сохранить жизнь Этому Человеку хотя бы на сегодня, отсрочив казнь еще на один день!

Все видели, что она серьезно опечалена, и, как ни старались гости интересной беседой заставить ее забыть ночные сновидения, она не поддавалась утешениям.

Через некоторое время один из гостей в сильном волнении произнес:

– Что это значит? Неужели мы так засиделись за столом, что день уже клонится к концу?

Гости оглянулись и заметили, что какой-то легкий мрак накрыл все вокруг. Более всего бросилось в глаза то, что яркая игра красок на предметах и живых существах почти поблекла, так что все казалось однотонно-серым. Подобно предметам, и лица сидевших здесь потеряли свои краски.

– Смотрите, мы выглядим как мертвецы! – с ужасом воскликнул молодой оратор. – Щеки наши серы, а губы почернели.

По мере того как темнота усиливалась, тоска молодой женщины все увеличивалась.

– Ах, друг мой, – воскликнула она, – неужели ты и теперь еще не веришь, что бессмертные хотят предостеречь тебя? Они гnevаются на то, что ты приговорил к смерти святого и невинного Человека. Я думаю, что если Он уже и пригвожден теперь ко кресту, то не успел еще испустить дух. Вели же снять Его со креста! Я хочу своими руками излечить Его раны! Уступи мне, верни Ему жизнь!

Но Пилат, смеясь, ответил:

– Ты, конечно, права, что видишь в этом предзнаменование богов. Но они не отнимут у солнца сияния из-за того, что иудейский лжеучитель осужден на распятие. Скоро мы можем ожидать важных событий, касающихся всей империи. Кто может знать, когда старый Тиверий...

Пилат не окончил фразу, потому что наступила такая тьма, что он перестал видеть свой бокал. Он прервал свою речь, чтобы приказать рабам принести несколько ламп. Когда стало

настолько светло, что он мог разглядеть лица своих гостей, он не мог не заметить дурного настроения, овладевшего ими.

– Видишь, – сказал он несколько подавленным тоном жене, – тебе, видно, удалось омрачить наконец своими словами удовольствие трапезы. Но если для тебя действительно невозможно сегодня думать ни о чем другом, то расскажи лучше нам, что видела ты во сне. Мы послушаем и попытаемся истолковать твои сновидения.

Молодая женщина тотчас согласилась. Пока она передавала одно за другим свои сновидения, гости становились все серьезнее. Они перестали осушать бокалы, и лица их вытянулись. Единственным, кто все еще смеялся и все это называл глупостями, был сам наместник.

По окончании рассказа молодой оратор сказал:

– Да, это больше, чем сон, так как сам я хотя и не видел сегодня императора, зато видел, как в город въезжала старый друг его, Фаустина. Меня только удивляет, что она еще не появилась во дворце наместника.

– Действительно, ходят слухи, что наш император поражен болезнью, – прибавил военачальник, – и мне кажется, что сон твоей жены есть предзнаменование богов.

– Нет ничего невероятного в том, что Тиверий прислал кого-нибудь за Пророком, чтобы поискать у Него помощи, – согласился молодой оратор.

Военачальник очень серьезно сказал Пилату:

– Если императору действительно вздумается пригласить к себе Этого чудотворца, то, конечно, лучше бы было для тебя и всех нас, если бы он застал Его в живых.

Пилат уже полугневно ответил:

– Уж не превратила ли вас темнота в детей? Можно подумать, что все вы превратились в снотолкователей и пророков.

Но военачальник не переставал волноваться:

– Быть может, еще возможно было бы спасти Этому Человеку жизнь, если бы спешно послать гонца.

– Вы хотите сделать меня посмешищем в глазах населения, – ответил Пилат. – Подумайте сами, каковы бы стали порядки и законность в стране, если бы узнали, что наместник помиловал преступника, потому что его жена видела дурной сон.

– Но то, что я видел Фаустину в Иерусалиме, это действительно не сон, – сказал молодой оратор.

– Я беру на себя ответ перед императором за мой поступок, – сказал Пилат. – Он поймет, что Этот Мечтатель, беспрекословно позволивший моим рабам мучить Себя, не имел бы силы помочь ему.

В тот момент, когда эти слова были сказаны, весь дом задрожал вдруг от непонятого рева, прозвучавшего как раскат грома, и почувствовалось колебание земли. Дворец наместника остался невредимым, но тотчас после подземного удара донесся со всех сторон наводящий ужас грохот разрушающихся домов и падающих колонн.

Выждав время, когда стало возможным расслышать человеческий голос, наместник подзвал раба:

– Поспеш к месту казни и передай мой приказ – снять с креста Пророка из Назарета!

Раб поспешно удалился. Застольное общество перешло из столовой в перистиль¹⁸, чтобы быть под открытым небом на случай повторения землетрясения.

В ожидании возвращения раба никто не решался что-нибудь сказать. Раб вскоре вернулся и остановился перед наместником.

– Застал ли ты Его в живых? – спросил наместник.

¹⁸ Перистиль – прямоугольные двор и сад, площадь, зал, окруженные с четырех сторон крытой колоннадой. Известен с 4 в. до н. э., широкое распространение получил в эпоху эллинизма и в Древнем Риме.

– Господин, Он умер, и в тот момент, когда Он испустил дух, произошло землетрясение. В эту минуту послышались два резких удара в наружную дверь. При этих ударах все вздрогнули и повскакивали с мест, как будто земля снова затряслась. Вслед за тем вошел раб:

– Благородная Фаустина и Сульпиций, приближенные императора, желают видеть наместника. Они прибыли просить его содействия, чтобы найти Пророка из Назарета.

В перистиле раздались едва уловимые вздохи и послышалось какое-то прешептывание... Когда наместник оглянулся, то заметил, что друзья отшатнулись от него, как от человека, с которым случилось несчастье.

Старая Фаустина снова прибыла в Капри и явилась к императору. Она рассказывала ему обо всем случившемся и, пока говорила, едва нашла в себе силы взглянуть на Тиверия. За время ее отсутствия болезнь сделала страшные шаги вперед, и Фаустина подумала: «Если бы боги имели сострадание, они дали бы умереть мне раньше, чем придется сказать этому несчастному, пострадавшему человеку, что всякая надежда потеряна!».

Но, к ее удивлению, Тиверий слушал рассказ с полным равнодушием. Когда она рассказала ему, что Великий Чудотворец распят был в тот же день, когда она прибыла в Иерусалим, и как близка была она к Спасителю его, то заплакала, подавленная тяжестью испытанного разочарования. Но Тиверий сказал ей:

– Ах, как жаль, что все годы, прожитые тобой в Риме, не отняли в тебе веры в волшебников и чудотворцев, которую ты приобрела еще в детстве в Сабинских горах.

Тогда Фаустина увидела, что Тиверий и не ждал серьезно помощи от Назаретского Пророка.

– Зачем же ты позволил мне совершить путешествие в далекую страну, если ты считал это бесполезным?

– Ты – единственный друг мой, – сказал Тиверий, – зачем было мне отказывать в твоей просьбе, пока еще в моей власти исполнить ее?

Но кормилица не хотела соглашаться с тем, что император мог угождать ей.

– Опять твоя старая хитрость! – с горечью сказала она. – Это то, что я всегда могла меньше всего выносить в тебе.

– Лучше было бы тебе не возвращаться ко мне, – сказал Тиверий, – ты должна была бы остаться в родных горах.

Одну минуту казалось, что эти два человека, так часто ссорившиеся, опять наговорят друг другу резких слов, но гнев старухи быстро исчез. Миновали времена, когда она серьезно отстаивала свои мнения перед императором. Она снова понизила голос. Но все же она не могла отказаться вовсе от желания быть правой.

– Но Этот Человек действительно был Пророк, – сказала она. – Я видела Его. Когда глаза Его встретились с моими, я подумала, что Это – истинный Бог... Я обезумела от того, что не могла помешать казни над Ним.

– Я рад, что ты дала Ему умереть, – сказал Тиверий. – Он совершил преступление против императора и был бунтовщиком.

Фаустина опять готова была рассердиться.

– Я говорила со многими из Его друзей в Иерусалиме, – сказала она. – Он не совершил преступлений, которые на Него возводили.

– Если бы Он даже и не совершил этих преступлений, то и без этого, наверное, не был бы лучше всякого другого, – устало проговорил император. – Где тот человек, который в течение жизни тысячу раз не заслужил бы смерти?

Эти слова императора заставили Фаустину сделать нечто, на что она все еще не решалась.

– Я хочу показать тебе пример Его чудесной власти, – сказала она. – Я говорила тебе, что приложила к Его лицу мой платок. Это тот самый платок, который я теперь держу в руке. Не хочешь ли одну минуту взглянуть на него?

С этими словами она развернула свой платок перед императором, и он увидел на нем бледный отпечаток Божественного Лица... Голос старой Фаустины дрожал от волнения, когда она продолжала рассказ:

– Этот Человек видел, что душа моя затрепетала при встрече с Ним, Он понял, что сердце мое полно любви и сострадания к Нему и веры в Его Божественное происхождение. Я не знаю, какой силой сумел Он оставить мне Свое изображение, но глаза мои наполняются слезами каждый раз, как я вижу Его Лик...

Император наклонился и стал рассматривать чудесные очертания, которые, казалось, были сотканными из Крови, слез и черных теней страданий.

Постепенно перед глазами поверженного императора выступил весь Божественный Образ, как Он запечатлелся на платке. Тиверий видел капли Крови на лбу Незнакомца, колючий терновый венчик на Его голове, волосы, слипшиеся от пота и Крови, и дрожащие от нестерпимых страданий губы. Измученные глаза Страдальца, казалось, с упреком смотрели на императора с платка Фаустины...

Тиверий откинулся на свое ложе и долго молча лежал так, а затем в неуправляемом порыве внезапно приподнялся и... встал на колени перед Изображением.

– Ты – Человек! – сказал он. – Ты – Тот, Кого я не надеялся увидеть в жизни...

И, указывая на себя самого, на свое обезображенное тело, на разъеденные язвами руки и ноги, прибавил:

– Я и все другие – мы дикие звери и изверги, а Ты – человек!

Тиверий так низко склонил голову перед Изображением, что коснулся земли.

– Смилуйся надо мной, о Ты, Неведомый! – слезы императора оросили каменный пол терассы. – Если бы Ты остался в живых, один только Твой взгляд исцелил бы меня.

Бедная старуха на какое-то мгновение испугалась. «Что я сделала? Было бы умнее не показывать императору Святое Изображение», – думала она.

Фаустина с самого начала опасалась, что страдание и раскаяние Тиверия будут слишком велики, когда он увидит Этот Божественный Лик. В волнении она схватила платок с изображением Пророка, а когда император обернулся к ней, Фаустина с удивлением и страхом увидела, что черты его преобразились... он снова стал таким, каким был до болезни!

Конечно, болезнь императора не случайно вкоренилась в его организм; она питалась ненавистью и презрением к людям, наполнявшим сердце Тиверия, и должна была исчезнуть в то мгновение, когда в его сердце проникли любовь и сострадание.

На следующий день выздоровевший Тиверий послал с особым поручением трех вестников. Первый пошел в Рим и передал сенату приказ назначить следствие о том, как наместник в Палестине исполняет свои обязанности, и наказать его, если окажется, что он притесняет народ и присуждает к смерти невинных. Второй был послан к виноградарю и его жене, чтобы поблагодарить их за совет, данный императору, и наградить их, а также передать им обо всем происшедшем. Выслушав все до конца, они тихо заплакали и муж сказал:

– Я знаю, что до конца дней моих буду думать о том, что случилось бы, если бы оба они встретились.

Но жена ответила:

– Эта встреча была бы невозможной. Христос знал, что мир не в силах будет понять Его.

Третий вестник отправился в Палестину и привел на Капри несколько учеников Христа, и они начали проповедовать учение, которое Распятый на кресте принес с Собой в мир.

Когда же ученики прибыли на Капри, Фаустина лежала на смертном одре. Но они успели еще приобщить ее к верующим в Великого Пророка и окрестили ее. При крещении она полу-

чила имя Вероники, что значит – «Истинное изображение», потому что ей и суждено было принести людям истинное изображение Спасителя.

Жена Пилата Клавдия Прокула стала христианкой. Память ее 27 октября.

Альбин

Повесть из первых времен христианства

1

В Риме в царствование императора Марка Аврелия¹⁹ было сильное гонение на христиан и между язычниками распространялись страшно нелепые, выдуманные жрецами ужасы о новом учении «секты» христиан, которые особенно рассказывались детям, внушая им страх и отвращение к новому учению об истинном Боге.

В одной из языческих школ под руководством учителя Назидиена произошел нижеописанный случай.

Дети наперебой рассказывали друг другу ужасные новости о непонятном для них новом учении христиан и с отвращением отзывались об этих «жестоких» людях. Среди учеников был сын христианина по имени Люций. Он не смог дальше слушать эти нелепые рассказы и стал открыто возражать товарищам, защищая христиан. Нашлись такие, которые сообщили об этом своему учителю, называя Люция христианином.

Мальчик на вопрос учителя смело ответил:

– Да, я христианин.

Учитель приказал высесть его.

В этой же школе учился сын патриция Кассия Магнуса по имени Альбин. Он был лучшим другом Люция и поспешил на защиту своего друга, чем и избавил его от избиения. Он не понимал, что это за новое учение и что означает, что друг его – христианин, а во имя дружбы встал на защиту беззащитного. Когда Альбин возвращался с рабом Торанием из школы, он поспешил рассказать ему о случившемся в школе. Тораний был тоже тайный христианин и, видя, как его юный господин интересуется новым учением, предложил узнать об этом учении у христианского учителя.

– Но где же его взять? Я охотно побеседовал бы с ним, если бы предоставилась такая возможность, – сказал Альбин.

Тораний как-то загадочно посмотрел на Альбина. Мальчик задумчиво глядел вперед. В его взоре светилась какая-то неведомая грусть. Казалось, что его чуткая душа не удовлетворяется язычеством с его многочисленными богами, с кровавыми жертвами и стремится к более высокому и чистому учению.

– Я знаю, что христиане верят в одного Бога, – начал раб, когда они пошли по портику²⁰, каких было очень много в древнем Риме.

– В одного-о? – с удивлением протянул Альбин.

– Да, они говорят, что есть только один Бог – Творец неба и земли.

– А наши боги? А Юпитер²¹? А Юнона²²? А Церера²³?

– Христиане учат, что эти боги ложные и их даже на самом деле и нет.

¹⁹ Марк Аврелий Антонин (121-180) – римский император со 161 года из династии Антонинов, представитель позднего стоицизма, автор философских «Размышлений». При Марке Аврелии произошла существенная перемена в отношении правительства к христианству. Император, замечая увеличение христианских обществ, стал опасаться за целостность империи и старался всеми мерами поддерживать в народе отечественное служение богам. На христиан он смотрел как на заблуждающихся упрямых фанатиков, ненавидел их «суеверное учение», веру в загробную жизнь и их святое одушевление при встрече со смертью. Он поставил своей целью разубедить христиан, сообщить «правильные» убеждения, чтобы сделать их достойными членами государства. М. Аврелий не только не останавливал, подобно прежним императорам, возмущения языческой толпы против христиан, но даже издал новый эдикт. Теперь повелевалось разыскивать христиан, убеждать их отказываться от своих заблуждений и, если они останутся непреклонными, предавать пыткам. Началось жестокое преследование. Христиан разыскивали, предавали пыткам, замучивали до смерти. Никогда в предшествовавшие преследования не было столько мучеников, сколько тогда. <http://www.hristianstvo.in/ru>

²⁰ Портик – прилегающая к зданию крытая галерея с колоннадой.

²¹ Юпитер – в языческой мифологии, у римлян главный бог, сын Сатурна и Реи, соответствующий греческому Зевсу.

²² Юнона – в римской языческой мифологии богиня – покровительница брака, материнства, женщин, супруга Юпитера.

²³ Церера – в римской языческой мифологии богиня земледелия и плодородия. Соответствует греческой Деметре.

– Удивительно! Ну, а далее?

– Далее, они верят в Сына Божия Иисуса Христа, Который для спасения людей пришел на землю, сделался человеком, проповедовал, претерпел страдания и смерть, а потом через три дня воскрес из мертвых. Пришел же Он на землю, по верованию христиан, для нашего спасения, чтобы Своим последователям дать вечное блаженство, вечное счастье.

– Какое поразительное учение! – невольно воскликнул Альбин.

– Да, господин, ты прав. Учение их поразительное. И вот за это-то и гонят христиан.

Альбин заставил Торания рассказать о его встрече с христианами и об их учении. Раб осторожно рассказал, что мог. Мальчик слушал внимательно, иногда задавая тот или иной вопрос. Потом они спустились с портика и пошли по улице.

– Тораний, ты вполне можешь положиться на мое молчание, – проговорил Альбин. – Ты, может быть, думаешь, что я передам наш разговор отцу, но не смущайся.

– О, господин! Я знаю, ты имеешь благородное сердце, – ответил раб.

– Не в том дело, Тораний. Ты очень верный раб и отлично знаешь, что я тебя люблю. Ведь ты меня носил еще на руках, играл со мной, когда я был маленький. Могу ли я быть тебе не благодарным? Но вот в чем дело: ты немедленно отправляйся к Люцию и извести его родителей об опасности. Я знаю, наш учитель Назидиен не оставит этого дела и, если не испугается, то заявит властям.

– Хорошо, господин.

В это время навстречу им шел старичок в простом плаще и с палкой в руках. Тораний незаметно от мальчика обменялся с ним какими-то знаками. Старичок осторожно кивнул ему головой, и они разошлись, а минуту спустя Альбин уже вбежал в прихожую своего дома.

2

– Отец, какое у нас сегодня произошло удивительное событие! – оживленно заговорил Альбин, входя к отцу в кабинет.

Отец мальчика, Кассий Магнус, был высокий, худощавый старик с выразительными, умными глазами. В прошлые годы в Риме он занимал ряд высших государственных должностей, а в данное время по болезни принужден был жить на покое. Все свободное время теперь он посвящал изучению греческой философии. Одна сторона его комнаты была заполнена небольшими квадратами с идущими вглубь них отверстиями, где хранились рукописи. Магнус с не свойственной ему живостью обернулся к сыну:

– Что случилось?

– А вот слушай.

И Альбин рассказал о происшедшем. Магнус даже вскочил с ложа.

– Как! У Назидиена учился христианин? А он этого не видел, не мог узнать? Куда он смотрел? Где были его глаза! Неужели невозможно открыть христианина? Для этого ему стоило только заставить каждого поклониться изображению богов. Альбин, разумеется, ты больше к Назидиену не пойдешь. Я найду тебе другого учителя, более благонадежного. Но ты поступил опрометчиво.

– Почему?

– Да, да, ты сделал большую ошибку. Зачем ты защитил Люция?

– Он был мой друг.

– Соглашайся: он был твой лишь до этого момента, пока ты не знал, что он христианин, но, когда Люций объявил себя христианином, с той минуты он наш общий враг, который подлежит ссылке или казни. Понимаешь ты это?

– Отец, я не знаю, что это за люди, христиане. И я не знаю, за что их преследуют.

– Это враги государства, враги общества! Это изуверы, которые питаются кровью своих детей! – вскричал с негодованием Магнус.

– Неужели это правда?

– О, разумеется. Иначе их не стал бы преследовать наш мудрый император Марк Аврелий. И повторяю: ты сделал большую ошибку, защитив Люция.

– Я сделал это, отец, только лишь по дружбе. В школе я сидел рядом с Люцием уже два года. Он всегда был такой тихий, услужливый, ни с кем не ссорился. И вот поэтому-то я и выручил его. Да, наконец, как же мне было не вступить за него, когда на Люция напал почти весь класс? Разве это справедливо?

Магнус перебил сына:

– Вступить за беззащитного – хорошо, но не за христианина. Христиане вне закона, эта секта обречена на истребление. Будь же благоразумен, сын мой! Пока ты носишь буллу²⁴, ты еще мальчик, но скоро ты наденешь тогу²⁵ римского гражданина и от тебя потребуются отчет в твоих действиях. Иди, да хранят тебя боги!

Магнус немедленно позвал в свой дом Назидиена. Учитель понял, для чего его позвали, и не на шутку струсил: «Из-за этого негодяя, Люция, мне, кажется, предстоит много хлопот. О, да паразит его Плутон!²⁶».

Он, бледный, взволнованный, предстал пред разгневанным Магнусом.

²⁴ Белла – шарик, надеваемый на шею римского мальчика и носимый до совершеннолетия (до 16-ти лет).

²⁵ Тóга – верхняя одежда граждан Древнего Рима, кусок белой шерстяной ткани эллипсовидной формы, драпировавшийся вокруг тела.

²⁶ Плутон – у язычников – древних греков и римлян – бог подземного царства и смерти, носивший у греков также имя Аида.

– Что хочет от меня благородный патриций²⁷? – спросил он Мангуса заискивающим голосом.

– Я хочу отдать тебя, негодяй, в руки властей. В твоей школе оказался христианин!

– Только один, только один! – воскликнул испуганно Назидиен.

– Этого я не знаю, – невозмутимо ответил Мангус, – быть может, и половина класса – христиане. Ведь некоторые же вступились за Люция, значит, если они не христиане, то, во всяком случае, сочувствуют им. Я должен донести об этом событии властям.

Назидиен стоял убитый, напуганный.

– О, благородный патриций! Не губи меня. У меня свои дети. Во имя наших богов, будь ко мне снисходителен. Этого больше не повторится. Завтра же я всех заставлю принести жертвы богам. И клянусь тебе: буду, насколько возможно, осмотрительным. О, позор мне! Мог ли я подумать, что Люций – христианин! Он всегда был такой внимательный, скромный и вдруг – христианин. Твой сын, Альбин, недаром был с ним так дружен. О, если бы Альбин не защитил Люция, то, поверь, негодный христианин теперь бы уже сидел в темнице.

– Оставь моего сына в стороне! – резко ответил Мангус. – Он еще мальчик, ему естественно ошибаться и врага принимать за друга. Но что свойственно Альбину, то непозволительно тебе.

Назидиен опять начал причитать и умолять Мангуса, чтобы он не доводил этого дела до сведения властей:

– Во имя богов и всех твоих предков умоляю тебя, благородный патриций, будь ко мне снисходителен.

В конце концов Мангус махнул на него рукой:

– Иди и благодари богов, если я умолчу. Мой сын больше учиться у тебя, конечно, не будет. Сколько я тебе должен?

– О, стоит ли об этом говорить! Я счастлив, что сын такого благородного патриция, как ты, посещал мою школу.

– Я не нищий! – гордо заявил Мангус. – И не хочу пользоваться услугами бесплатно.

Мангус отдал учителю две тысячи сестерций²⁸. Назидиен рассыпался в благодарностях, схватил кошелек с серебром и быстро исчез.

– От одного я отделался пока благополучно, – вслух проговорил он, выходя на улицу. – Хвала богам!

А Мангус, вернувшись в свой таблинум²⁹, долго ходил из угла в угол в глубокой думе: «Как, однако, распространяется христианство. Оно проникает всюду. Не помогли все предыдущие гонения; но будем надеяться, что наш мудрый император сумеет вырвать эту заразу с корнем. Да поможет ему в этом Юпитер!». И Мангус снова улегся на свое ложе, достав предварительно из шкафа пергаментный сверток³⁰ с учением Пифагора³¹.

²⁷ Патриций – лицо, принадлежавшее к исконным римским родам, составлявшим правящий класс и державшим в своих руках общественные земли (в Древнем Риме).

²⁸ Сестерций – древнеримская серебряная, а затем из сплава цветных металлов мелкая монета, чеканилась с 3 в. до н. э.

²⁹ Таблинум – в древнеримском доме помещение за атриумом.

³⁰ Пергаментный свёрток. Пергамент – материал для письма из недублёной сыромятной кожи животных (до изобретения бумаги). Также древняя рукопись на таком материале.

³¹ Пифагор – один из первых древнегреческих философов (6 в. до н. э.), основатель легендарного Пифагорейского товарищества.

3

Дом Кассия Магнуса, расположенный у Эсквилинского³² холма, был обширный и своей архитектурой походил на прочие дома римской аристократии. Не выделяясь ничем особенным снаружи, если не считать мраморного портика с изящными колоннами, он внутри был отделан необыкновенно изящно, с тонким вкусом. Роскошь и богатство были видны на каждом шагу. Всякий посетитель из прихожей попадал сначала в атриум³³. Это была большая, просторная комната, играющая роль нашей гостиной. Всюду в доме виднелись изделия из золота и серебра, бронзы и дорогих сортов деревьев.

У Альбина была своя комната, выходившая в перистиль. Рядом с ней было помещение для его сестры Домициллы, которая была на два года моложе его. Стройная, изящная, с необыкновенно красивыми глазами, вьющимися волосами, она обещала быть впоследствии настоящей красавицей.

Брат и сестра жили, как говорят, душа в душу. Дружба их началась с самых юных лет. Они вместе играли, вместе мечтали, читали произведения различных поэтов и писателей. Оба они были характера мягкого, общительного, что всегда радовало как самого Магнуса, так и их мать Агриппину. Всеми своими новостями, радостными и печальными, Альбин делился с сестрой. Так было и теперь. Выйдя от отца, он первым делом спросил подвернувшуюся рабыню:

– Где сестра?

– Я видела ее в саду, господин.

В перистиле он столкнулся с матерью.

– Альбин, обед уже готов. Иди в триклиний³⁴.

– Я сейчас приду. А Домицилла обедала?

Мать ответила с улыбкой:

– Разве Домицилла обедает без тебя? Идите вместе с ней и не медлите.

– Хорошо.

– Не заставляй посылать за тобой Торания! – крикнула она уже вслед сыну.

Альбин выбежал в небольшой, но красиво устроенный сад. Целые аллеи платанов, кипарисов, магнолий чередовались с фигурными клумбами, на которых цвели всевозможные цветы. Журчали фонтаны и ласково улыбались холодным мрамором нимфы. В укромных уголках среди зелени приютились беседки.

– Домицилла, где ты? – звонко крикнул Альбин.

– Я здесь, – отозвалась девочка, появляясь в одной из беседок.

– Я скажу тебе одну новость, и она очень удивит тебя.

– Что такое, скажи скорее!

Домицилла была одета в шерстяную розовую тунику, подпоясанную шелковым поясом. Девочка очень походила на брата, чем всегда и гордилась.

– Ты не поверишь тому, что я скажу.

– Отчего же, поверю.

Альбин с любовью посмотрел на сестру.

– Люций оказался христианином! – выпалил он.

Девочка даже всплеснула руками и сделала округлые глаза от удивления:

– Может ли это быть?

– Увы, это правда.

³² Эсквилин – один из 7 холмов, на которых возник Древний Рим.

³³ Атриум – существенная часть римского дома, представлявшая собою род крытого портика в передней части здания.

³⁴ Триклиний – у древних римлян – обеденный стол с тремя ложами для возлежания. У них же – столовая.

– Но как же ты узнал, откуда?

– А вот слушай, – и он рассказал ей все происшедшее в школе.

– И ты защитил его от избиения?

– Да, он мой друг, и я защитил его.

– Это хорошо. Пусть он и христианин, но ты поступил, как и следовало поступить римскому гражданину. Но мне жаль его. Он был такой хороший. Ведь его теперь убьют?

В глазах девочки блеснула тревога.

– Если схватят, то, несомненно, казнят, но я думаю, что он и его родные успеют скрыться. Я велел Торанию известить их.

– Ах, бедный Люций! И зачем он сделался христианином? А ведь говорят, что христиане кланяются ослиной голове и убивают маленьких детей. О, как ужасно!

Альбин задумчиво смотрел на клумбу с цветами.

– Да, ужасно, если это правда. Соглашаюсь с тобой. Но правда ли? Не лгут ли на них? Могли Люций убивать маленьких детей? Он такой хороший, добрый – и вдруг стал бы убивать? Что-то плохо верится. Но вот идет Маспечия. О христианах поговорим потом.

Подошедшая старая няня Маспечия, покачав головой, обратилась к ним:

– А об обеде и забыли? Ох, дети, дети! Идите скорее! Благородная госпожа гневается.

– Сейчас идем, няня!

Альбин с Домициллой направились в маленький триклиний, предназначенный только для самих хозяев. Альбин бросился на ложе и с удовольствием потянулся.

– Ах, Домицилла, этот Назидиен сегодня положительно с ума сошел от злости. Половина класса ревела.

– Это все из-за Люция?

– Да. Отец хочет послать меня к другому учителю.

– Значит, ты больше к Назидиену не пойдешь? А мне все-таки жаль Люция: неужели его поймают и убьют?

Дети всякий раз умолкали, когда рабыня подавала новое кушанье. Закончив с обедом, они снова ушли в сад и забрались в глухую, уединенную беседку. Здесь они снова жалели Люция и оба заинтересованно размышляли о христианах и их учении.

– Вот наш император теперь гонит христиан, – говорил Альбин, – а быть может, они и хорошие люди, и вовсе не кланяются ослиной голове.

– Очень бы мне хотелось, Альбин, узнать, что это за народ – христиане.

– Тораний их немного знает.

– Как, где он их узнал? – заинтересовалась девочка.

Альбин рассказал, что слышал от раба.

– Это удивительно, – задумчиво ответила Домицилла, – а ведь о христианах говорят такие ужасы. Где же правда?

Альбин только развел руками:

– Остается только одно: узнать поподробнее у самого Люция. Но где теперь его увидишь? Вся надежда на Торания. Он все устроит.

4

Тораний, согласно желанию Альбина, быстро направился к дому Люция, который находился от них квартала через три. Отец Люция, Секст, был искусный башмачник. Ему помогали старший сын, Марк, и младший, Люций. Жена у него умерла несколько лет назад.

Тораний не застал дома ни Секста, ни его сыновей.

– Где же Секст? – спросил он у хозяина дома.

– Они перебрались на другую квартиру, взяв с собой все имущество.

– Но ты не знаешь, куда именно?

– Не знаю, но собирались они так, как будто солдаты хотели их арестовать. Но со мной они рассчитались добросовестно.

Хозяин знал Торания – раб был здесь несколько раз с Альбином, – а потому счел за нужное спросить:

– А как живет твой молодой господин?

– Прекрасно.

– Хвала богам, это прекрасный мальчик. Он, вероятно, скоро уже снимет буллу?

– Месяца через три.

– И, значит, будет гражданином Римской империи?..

Тораний был рад, что Секст с сыновьями скрылся так скоро, но в то же время его заботила мысль: куда они скрылись и в благонадежное ли место?

Вероятно, хозяин прочел на лице Торания некоторую озабоченность и поэтому спросил:

– А тебе очень нужно было видеть Секста?

– Да, нужно, – ответил Тораний.

Простившись с хозяином, он ушел.

– Ну что, видел Люция? – взволнованно спросил Альбин Торания, когда тот вошел в сад.

– Нет. Люций с братом и отцом быстро собрались и ушли неизвестно куда.

– Значит, они скрылись и их теперь не поймают, – радостно проговорил Альбин.

– Думаю, что скрылись.

– И я очень рада, – сказала Домицилла. – Но нельзя ли, Тораний, как-нибудь узнать, где Люций? Я вовсе не хочу, чтобы их схватили и замучили.

В глазах раба сверкнуло какое-то восторженное, но не замеченное детьми выражение.

– А скажи мне, Тораний, – вдруг спросил Альбин, – ты веришь, что христиане поклоняются ослиной голове?

И Альбин так зорко посмотрел на раба, что тот невольно смутился.

– Если ты спрашиваешь меня об этом, то скажу тебе прямо: я не верю этому. Я знал нескольких таких хороших христиан, которые не способны были ни на какие преступления. Я уже тебе говорил, что в царствование императора Антонина³⁵ я познакомился случайно с христианами.

– И теперь у тебя есть знакомые христиане? – спросила Домицилла.

– Люций и его отец были христианами, – уклончиво ответил Тораний.

Альбин задумался.

– Как жаль, что я не могу увидеть Люция, – тихо заметил Альбин.

– А если я узнаю, где он живет, то сказать тебе?

– Непременно.

³⁵ Император Антонин, Антонин Пий – римский император, царствовавший между 138-161 гг. от Рождества Христова, преемник Адриана, который усыновил его.

– Ты желал бы его увидеть? Очень? Но ведь он христианин, а христиан теперь гонят, – как-то загадочно произнес Тораний.

– А я разве не могу видаться со своим другом? – горделиво вскричал Альбин.

– Но твой отец разгневется, и мало ли что может случиться? Меня могут сослать в рудники за то, что я устроил ваше свидание.

– Через три месяца я сниму буллу, надену тогу и тогда могу делать то, что хочу. Наконец, можно устроить так, чтобы отец ничего не узнал. Итак, я хочу, чтобы ты узнал, где сейчас находится мой друг Люций.

– Исполню, что ты велишь, – послушно ответил раб и удалился.

Мать Альбина, Агриппина, также сильно встревожилась, когда узнала, что друг ее сына, Люций, оказался христианином. Но Магнус скоро ее успокоил, заверив, что Альбин больше не переступит порог школы Назидиена. Действительно, Магнус подыскал другого учителя, к которому и начал ходить Альбин опять в сопровождении своего Торания.

Альбин в тайнике своей души жалел Люция. Он как-то инстинктивно чувствовал своим неиспорченным сердцем, что Люций не может делать тех ужасов, какие приписывают христианам. Ему не хотелось верить тем рассказам о христианах, какие ходили в тогдашнем римском обществе. Особенно яростно нападала на христиан его тетка Комодилла – сестра матери. Узнав, что ее племянник Альбин дружил с христианином, она преисполнилась неопишемого негодования:

– Как, ты дружил с христианином?

– Но разве я виноват в том? – ответил Альбин.

– Ты должен был осмотрительно выбирать друзей.

– Я не мог ничего читать в его душе.

– О, боги! Какой позор! Да знаешь ли ты, что все христиане колдуны и способны лишь на одно зло?

Этот случай только наглядно показал Альбину, с какой ненавистью и озлоблением относятся его родные к последователям Христа.

5

Далеко за городом по Номентанской дороге³⁶ под сенью оливковых деревьев приютился небольшой домик. Здесь жила родная сестра Секста со своею дочерью Лелией. Занималась она продажей яиц; для этой цели она разводила кур и время от времени вместе с дочерью ходила в Рим, чтобы сбыть свой товар. Здесь, в укромном уголке, и нашел Секст со своими сыновьями приют. Гиспанилла не была христианкой, но относилась к брату и племянникам с любовью и сама была не прочь принять христианство, но медлила. Однажды к ним пришел Тораний, без труда узнавший от христиан место пребывания Секста.

– Да будет благословен твой приход, Тораний, – приветствовал его Секст. – Что скажешь нам новенького? Как живет твой молодой господин?

– Слава Богу-Христу: здоровье моих господ хорошее. Но Альбин, видимо, скучает без тебя, Люций.

– Правда? – приятно изумился юноша.

– Совершенная правда.

– Ах, если бы он сделался христианином! – воскликнул Люций.

Отец положил ему руку на плечо и проникновенно ответил:

– Молись Господу о его обращении. И мы будем верить и надеяться, что Альбин просветится светом христианской веры.

– Как бы я был этому рад! Мы ведь были с ним так дружны.

– Мой молодой господин очень интересуется, где вы поселились.

– И ты не сказал, Тораний?

– Я все-таки опасаясь открыть ему ваше убежище. Мало ли что может случиться. Как бы не навлечь на вас горя. Но я ему как-то рассказал о христианстве.

– Он интересовался?

– Конечно, он спрашивал меня уже несколько раз: справедливы ли те обвинения, которые возводят на христиан.

– И ты, конечно, постарался его разубедить? – спросил Люций.

– Разумеется. Я прямо сказал, что это клевета.

Секст на минуту задумался, потом решительно проговорил:

– Я вот о чем прошу тебя, Тораний. Приведи к нам Альбина.

Раб с изумлением взглянул на Секста:

– Но не опасно ли это?

Секст мягко улыбнулся:

– Возлюбленный мой брат во Христе! Чего же нам бояться? Мы должны считать за счастье пострадать за Христа. Не так ли? И потому нам бояться решительно нечего. Мы должны быть каждый день готовы к смерти. Но удастся ли нам обратить мальчика Альбина на правый путь? Я знаю, он мальчик умный и серьезный. Все в руках Божиих.

– Хорошо, Секст, я постараюсь исполнить твое желание.

– А здесь мы познакомим его с христианством! – с жаром вскричал Люций.

– И будем верить, что Христос даст тебе нового брата, – ответил ему отец.

Тораний взялся за исполнение своей задачи издалека и осторожно. Он неоднократно заводил с Альбином разговор о христианстве. Он рассказал ему, как однажды присутствовал при допросе христиан:

– И удивительное дело, господин, как христиане безбоязненно исповедуют Христа.

³⁶ Номентанская дорога (лат. Via Nomentana) – античная дорога в Италии, проходившая от северо-востока Рима до города Nomentum (современный город Ментана). Длина дороги составляла 23 километра.

– И не отрекаются?

– Нет. Даже дети и те не отрекаются. Они так твердо заявляют о своем исповедничестве Христа, что нужно изумляться их мужеству. Когда я был на допросе, то видел мальчика твоих лет.

– Не Люция ли?

– Нет, не Люция.

– Тораний, а может быть, Люций тоже убит? Ты ничего не слыхал о нем?

Тораний на секунду замедлил с ответом, а затем быстро проговорил:

– Я его недавно встретил на улице.

– Встретил на улице? Почему же ты мне об этом не сказал? Почему молчал?

– Господин, но ведь Люций христианин. Я не мог говорить тебе о нем.

– Почему?

– Христиан гонят по приказу императора. Христиане считаются презренной сектой. Не навлек ли бы я твой гнев, господин?

Альбин взволнованно прошелся по комнате.

– Люций был моим другом, и я, естественно, могу интересоваться его судьбой! И, наконец, ты же говорил, что на христиан клеветают.

– Да, господин, и сейчас могу тебе сказать: на них возводятся самые ужасные, нелепые клеветы.

– Тораний, а может быть, ты и сам христианин? Говори прямо, не смущайся.

На лице Торания промелькнуло было испуг, но это было мимолетно, и он тихим, но твердым голосом ответил:

– Да, господин, я христианин.

Альбин невольно вздрогнул. Тораний это заметил и с мольбой в голосе заговорил:

– О, господин, не верь клеветам на христиан! Я безгранично счастлив теперь, что узнал Христа. Это наш Спаситель и Искупитель. Всем Своим верным последователям Он обещал вечное Небесное Царство.

На глазах раба заблестели слезинки. Он вдруг опустился на колени перед Альбином:

– Я умоляю тебя, господин мой, поверь мне: только в христианской вере истина и спасение!

Ошеломленный признанием Торания, Альбин не сразу нашелся, что сказать.

– Встань, Тораний! Этого мне не нужно. Встань; что скажут, если тебя увидят в таком виде? Но ты меня удивил. Значит, ты христианин, и давно?

– Да, давно. И я безмерно от этого счастлив. Теперь я готов идти на смерть, если ты меня предашь в руки судей или скажешь отцу.

– Успокойся, Тораний, я ничего не скажу отцу, и нет никакого смысла лишаться такого верного, преданного раба, каким являешься ты. А потому не бойся.

– Благодарю тебя, мой господин!

Альбин взволнованно забегал по комнате.

– Но тогда расскажи мне более подробно, что это за учение.

– О, как я рад это слышать от тебя, господин мой! Но прости меня, едва ли я могу вполне удовлетворить твое любопытство. Я человек простой и неученый. Вот Секст, отец Люция, мог бы рассказать тебе многое. А еще лучше, если ты повидеешься с нашим христианским пресвитером.

– С кем?

– С пресвитером. Так называются люди, которые учат нас и совершают богослужение.

Альбин на несколько минут задумался.

– Что же, я не прочь побеседовать с вашим учителем. Но скажи мне: ты знаешь, где живет Люций?

– Знаю. По Номентанской дороге. Отсюда не особенно далеко.

– Желал бы я увидеть его.

– Если хочешь, то это можно устроить.

– Хорошо. Мы с тобой завтра же отправимся к нему.

Тораний после некоторого колебания проговорил:

– Если ты намерен, господин, навестить Люция, то сделать это удобнее ночью.

– Почему?

– Днем идти опасно. Нас могут встретить знакомые. А ночью – иное дело. Мы ходим и вернемся незамеченными.

– А раб-привратник? Наше отсутствие пройдет ли незамеченным?

– Я все беру на себя. Я возьму одного верного раба-христианина, и ты будешь в безопасности.

– Хорошо, Тораний, полагаюсь на тебя.

– Господин, исполни мою просьбу. Ничего пока не говори Домицилле. Я знаю, ты с ней очень откровенен, но благоразумнее пока умолчать о нашем намерении.

– Домицилла мне предана и неболтлива. Она мне лучший друг, но на этот раз, обещаю, буду молчать.

– Да, да, это будет благоразумнее.

– Но когда же пойдём?

– Дня через три. Я предупрежу тебя заранее.

– Хорошо. И у Люция я увижу вашего пресвитера?

– Если желаешь, то можно увидеть.

– Да, желаю.

– В таком случае, желание твое будет исполнено.

Долго в этот вечер молился Тораний в своей комнате Богу, прося Его просветить Альбина светом истинного учения. Жаркая была молитва раба, и неслась она к Богу от самого искреннего сердца.

6

Альбин очень волновался. Что сказал бы отец, если бы все узнал? Какими глазами он взглянул бы на поступок сына? О, буря была бы, несомненно, большая, гнев отца был бы неопишем. И это вполне понятно. Ведь он, Альбин, является преступником уже по одному тому, что идет к христианину, идет ночью, как вор. Волнение Альбина было поэтому вполне понятно. То вдруг ему казалось, что идти не следует и нехорошо обманывать родителей, то являлось горячее желание увидеть поскорее Люция, узнать, что это за вера, чему она учит и кому поклоняются христиане. Альбин волновался и мучился, но отступить назад уже не хотелось. Люций, пожалуй, сочтет его трусом. А Магнусы никогда еще не были трусами. Нет, он пойдет, увидит Люция и узнает, кто такие христиане.

Дня через два Тораний таинственно шепнул ему:

– Господин мой, если смущаешься, то...

Но Альбин не дал закончить Торанию и надменно заявил:

– Я пойду. Это решено. Сегодня?

– Да, мы отправимся, когда все улягутся и в доме настанет тишина. Это будет около полуночи.

– Хорошо, я буду готов.

С замиранием сердца Альбин ждал условленного времени. Он лег в постель на случай, если бы в комнату вошли отец или мать.

Тораний приготовил для него верхнюю простую тунику и такой же простой темно-серый плащ. Мать действительно заглянула в его комнату:

– Альбин, ты уже готовишься ко сну?

– Да.

– Ну, спи. Да хранят тебя боги.

– И тебя тоже, мама.

Агриппина ушла, плотно закрыв двери. Но Альбин и не думал спать. Он решился на очень смелый шаг, рискуя своею жизнью в случае, если откроется его замысел. Но молодость и любопытство взяли свое. Сверх всего, какой-то тайный голос шептал ему, что христиане вовсе не плохие люди, какими их считают, и все рассказы о них – одна лишь клевета. Альбину казалось, что этот тайный голос его не обманывает. Он лежал на своем богатом ложе, украшенном слоновой костью и серебром, и внимательно прислушивался к каждому шороху. Нервы его были крайне напряжены. Но вот наконец дверь в его комнату тихо, неслышно отворилась и на пороге показалась фигура человека.

– Это ты, Тораний?

– Я, господин.

– Пора идти?

– Да.

– Хорошо. Я сейчас одену тунику.

Альбин быстро встал с кровати, надел серую тунику, поверх которой набросил плащ.

– Ты уверен, Тораний, что нас никто не заметит?

– Вполне уверен. Об этом не беспокойся.

– А раб-привратник?

– Все устроено.

С сильно бьющимся сердцем вышел Альбин из дома. Они миновали сад и отворили дверь на улицу. Здесь их ждали два человека, закутанные в плащи.

– Кто это? – шепнул Альбин рабу.

– Не бойся; эти люди будут сопровождать нас. Они христиане.

– А разве идти так опасно?

В сердце Альбина вдруг заполз какой-то непонятный страх. Тораний уклонился от прямого ответа.

– Благоразумие и осторожность никогда не излишни, – ответил он.

Небольшая группа зашагала по уснувшему городу. Но, к счастью, ночь была темная, безлунная; идти приходилось осторожно, тем более что по ночам римские улицы не освещались. Впрочем, Альбин был рад темноте, благодаря которой его совершенно невозможно было бы узнать, если бы ему случайно и встретились знакомые. Все шедшие хранили глубокое молчание. Вдруг вдали показались факелы.

– Кто это? – спросил Альбин с испугом.

Тораний, присмотревшись к шествию, успокоительно ответил:

– Не бойся, это патриции со своими рабами идут с веселой пирушки.

Действительно, скоро с ними поравнялась толпа рабов, среди которых, пошатываясь, шли римские молодые кутилы. Последние кричали, спорили, смеялись. Пропустив эту группу, Тораний со спутниками двинулись дальше. Но скоро им пришлось свернуть в другую улицу, потому что где-то недалеко раздались шаги солдат ночного обхода. Послышались звуки оружия. Приходилось быстро уходить от этой действительной опасности. Но вот и Номентанская дорога.

Здесь было уже безопасно.

– Скоро ли придем? – спросил Альбин, чувствуя усталость.

– Вот еще немного, а там и дом Гиспаниллы.

Дорога сделала резкий поворот. Вдали открылась роща оливковых деревьев, около которой находился небольшой дом. Сюда-то Тораний и направил свои шаги. Небольшую группу встретила собака, которая подбежала сначала к Торанию, весело замахала ему хвостом и зарычала было на Альбина. Но Тораний ласково погладил собаку и велел то же самое сделать Альбину. Собака успокоилась. Тораний постучал в калитку. Их, очевидно, ждали, потому что сейчас же послышался крик:

– Кто стучит?

– Отвори, Секст. Это мы.

Дверь моментально отворилась.

– Да благословит Господь ваш приход и твой, благородный Альбин! Мы несказанно рады тебе. Милости прошу к нам.

В это самое время из дома выбежал со светильником в руке Люций:

– Альбин! Ты ли это? Тебя ли я вижу?

– И я рад тебя видеть. Да хранят тебя... – он запнулся и замолчал.

Он хотел добавить «боги», но сообразил, что такое приветствие неприлично в христианском доме. Люций как христианин не верил в языческих богов, но сам окончил за своего товарища его пожелание:

– Ты хотел сказать мне: «Да хранят тебя боги». О, как бы я желал, чтобы ты, рано или поздно, но сказал: «Да хранит тебя Господь!». И вот теперь от всего моего сердца скажу тебе: «Да хранит тебя Господь Христос!».

Друзья обнялись. Альбин в порыве радости забыл, что Люций христианин и что на христиан возводятся такие страшные клеветы.

– Но не устал ли ты? – спросил Секст.

– Ничего, отдохну. Я люблю ходить.

– Милости прошу в наш дом, – засуетился Секст, – ты, благородный Альбин, самый желанный для нас гость.

– Рад это слышать.

Альбина повели в дом, где его встретила Гиспанилла с дочерью. Старая женщина низко поклонилась Альбину и проговорила:

– Да хранят тебя боги, благородный патриций.

Альбин удивился такому приветствию:

– Как, разве ты...

– Ах, моя сестра еще не христианка, – тяжело вздохнул Секст, – но мы молим Бога и надеемся, что она будет христианкой.

– Но о христианах говорят так много ужасного, – не удержался и проговорил Альбин, усаживаясь на стул.

– И говорят совершенно напрасно, Альбин! – вскричал Люций.

– Сознаюсь, я как-то и раньше мало верил тому, что рассказывали о вас.

– Скажи мне, Альбин, ты больше не ходишь к Назидиену?

– Я с того же злополучного дня перестал ходить к нему.

– О, как нам благодарить тебя, Альбин, что ты заступился за Люция, – со слезами на глазах произнес Секст, – если бы не ты, то моего сына тогда же схватили бы. Да пошлет тебе Господь всякого счастья и благополучия в здешней жизни и будущей! Мы всегда молимся и будем молиться за тебя!

– Да, дорогой Альбин, если бы не твоя защита, то я попался бы в руки римских солдат. Благодарю тебя.

– Не благодари, ведь мы с тобою друзья, а разве друзья не должны выручать друг друга?

– Да, ты сказал правду.

– Но, сын мой, знаешь ли ты, что у нас, христиан, одна из высших заповедей есть искренняя, бескорыстная любовь друг к другу? – спросил Секст.

– Этого я не знал.

– А между тем наш Спаситель Христос дал нам заповедь: любите друг друга так, чтобы безбоязненно можно было умереть один за другого. Знает ли Рим такую заповедь? О, нет! У вас царит право. Сострадания и жалости у вас нет. Римляне убивают нас только за то, что мы любим друг друга и таким образом выполняем закон Христов.

– Удивительное учение, – сорвалось у Альбина.

– Да, соглашаюсь с тобою, для вас, язычников, оно удивительное! Нас самих приводят в ужас те рассказы, которые распространяются о нас в вашем обществе.

Тут Секст поднял руки к небу, и из груди его вырвался горестный вопль:

– О, великий и дивный Боже, сними с нас эту клевету! Рассей тьму и просвети Рим светом Твоего учения!

Он шептал какую-то молитву. В комнате настала минутная тишина. Слышалось веяние чего-то непостижимого и таинственного. Какая-то неведомая струна зазвучала в душе Альбина. Его сердце невольно прониклось доверием к старику. Чувствовалось, что он говорит правду.

– Нет, мы не пьем кровь невинных младенцев и не кланяемся ослиной голове, – продолжал Секст. – Мы собираемся на молитву, поем хвалу нашему Спасителю и помогаем друг другу, кто чем может. Вот сейчас должен прийти наш пресвитер. Он подробно разъяснит тебе все.

– Вероятно, ваш Спаситель был очень добрый, если Он предписал такую любовь?

– Да, доброта Его превосходит наше разумение. По любви к людям Он пострадал на кресте и воскрес из мертвых!

– Воскрес из мертвых? – переспросил со страхом и изумлением Альбин.

– Да, именно воскрес, потому что Иисус Христос не простой человек. Но Сам Бог во плоти. И мы веруем в Бога, пришедшего на землю во плоти для нашего спасения.

Альбин сидел ошеломленный и изумленный до последней степени всем услышанным. Все это положительно не умещалось в его голове, до сих пор полной разными языческими представлениями. Это было непостижимо, недоступно для его ума, но он видел, что за этой недоступностью скрывается великое, святое – то, ради чего тысячи христиан идут на смерть и пытки.

– И мы веруем, – в тон отцу проговорил Люций, – что настанет время, когда христианство распространится по всей земле, а язычество со своими богами исчезнет. Мы живем этой надеждой.

– Да, будет так! – подтвердил Тораний.

В это время в наружную дверь раздались два удара.

– Это, вероятно, наш пресвитер! – сказал Секст и пошел отворять дверь.

Минуту спустя он вернулся в сопровождении высокого старца с широкой седой бородой. Глаза пресвитера светились как-то необыкновенно мягко, задушевно. Видно было, что под этой несколько суровой наружностью скрывалось доброе, великодушное сердце.

– Мир и благодать вам от Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа! – торжественно проговорил он, благословляя собравшихся.

– И тебе мир, дорогой наш отец, – ответили ему присутствующие.

Пресвитер благословил каждого. Затем подошел к Альбину и ласково, внимательно посмотрел на него.

– Вот это благородный Альбин, о котором я тебе сообщил, – проговорил Секст.

– Вижу, вижу. Позволь и тебе, дорогое дитя, пожелать мира и спасения.

– Благодарю тебя, – прошептал Альбин.

– Пришел увидеться с Люцием?

– Да, мы были друзья. Я его давно уже не видел.

– Все знаю; твой друг Люций прекрасный юноша, и я рад, что ты так ценишь его. А не боишься, что пришел сюда?

– Чего же мне бояться?

– Могут узнать, что ты был у христиан. Ведь нас гонят и мы каждый день живем под страхом смерти.

– Я ничего не боюсь. Мне хотелось увидеть Люция и... – он запнулся.

– Что же дальше? Посмотреть на нас, христиан, страшны ли мы?

Альбин смутился. Пресвитер ласково улыбнулся:

– Поверь мне, дитя мое, страшного ничего в нас нет. О, если бы весь мир обратился ко Христу и оставил бы своих ложных богов! Настало бы на земле Царство Божие. Рано или поздно, но это время настанет.

– Я хотел бы поподробнее узнать ваше учение, – робко попросил Альбин.

– С величайшим удовольствием исполню твою просьбу, – произнес пресвитер и кратко, сжато, но точно рассказал жизнь Христа, Его учение и те требования, которые предъявляются к христианам евангельским учением.

Альбин жадно выслушал пресвитера, не прерывая его ни одной фразой.

– Как все это для меня ново! А ведь у нас о христианах говорят совершенно иное! – невольно вскричал он, когда пресвитер окончил.

– И в этом ваше главное заблуждение. Не хотят узнать о нас, нашем учении, а истребляют. О, римляне, когда вы узнаете всю правду о христианах? Но это пока скрыто от вас!

Пресвитер еще поговорил с Альбином, стараясь прояснить нравственную сторону христианства. Затем встал и сказал:

– Иди, дитя, домой! Не нужно, чтобы твое отсутствие было замечено. Будь благоразумен. Да благословит и вразумит тебя Христос!

Пресвитер перекрестил Альбина. Через минуту маленькая группа шла обратно по направлению к Эсквину. Все миновали благополучно. Раб-привратник тихо отворил им двери. А минуту спустя Альбин, никем не замеченный, был уже в своей комнате.

7

Целая волна новых впечатлений от посещения им христиан нахлынула на Альбина. Он увидел мир, который был для него до сих пор закрыт, недоступен. Эти люди просты, добры, задушевные, а между тем их считали злыми, человеконенавистниками. Все их преступление заключалось в том, что они беззаветно были преданы Христу и друг другу. И Альбин своим неиспорченным сердцем почувствовал какую-то необыкновенную симпатию к этим людям, точно он знал их давно. Как ласково говорил с ним пресвитер, изъясняя свое учение! С каким радушием встретил его Секст! Как горячо обнял его Люций, точно они были родные братья!

Альбин долго не мог заснуть под влиянием пережитого. И во сне рисовался ему добрый старик-учитель с ласковыми глазами. Между тем Альбин не мог не поделиться своими впечатлениями с сестрой Домициллой, от которой у него не было тайн. Утром после завтрака он позвал сестру в сад.

– Знаешь ли, Домицилла, где я был этой ночью? – загадочно спросил он.

Девочка удивленно посмотрела на брата:

– А где же?

– Тебе и не угадать, и в голову не придет.

– Да где же, скажи?

Альбин наклонился к самому уху сестры и тихо ответил:

– У Люция!

– Может ли это быть? Как же ты попал к нему? Расскажи скорее!

– Тише, дорогая. Нужно говорить осторожно, чтобы кто-нибудь нас не подслушал. Да, я был у Люция и познакомился с христианами. Слушай же.

И Альбин подробно рассказал о своем ночном путешествии.

– Это удивительно! Даже и подумать было нельзя. Но почему ты не сказал мне?

– Потому что не стал тревожить тебя. Ты, может быть, начала бы меня отговаривать.

– Это вполне возможно, – согласилась девочка.

– Ну вот видишь! Значит, я отлично сделал, что не предупредил тебя.

– Теперь расскажи мне подробнее о христианах. Чему они учат? Ведь ты говоришь, что Секст тебе подробно все рассказал.

– Да, говорил Секст, но главным образом много говорил пресвитер, иначе сказать, учитель.

Альбин рассказал, что сам запомнил из слов пресвитера. Домицилла не менее брата была поражена христианским учением.

– Правда, какое удивительное учение! Как хорошо любить друг друга. А у нас этого ничего нет. У нас раба можно убить, распять на кресте. Вот у них, говоришь, Сам Христос позволил Себя распять на кресте по любви к людям.

– Пресвитер говорил так.

Девочка задумчиво помолчала.

– Как это не похоже на наше учение! Как у нас много богов, а там один. А ведь, пожалуй, это лучше. Много богов, и не знаешь, которому лучше молиться. Молишься одному, а другой может разгневаться. Не правда ли?

– Согласен с тобой.

– Ты еще намерен идти когда-нибудь к Люцию? Я тоже хотела бы послушать христианского учителя.

– Это сделать пока мудрено. Но, может быть, твое желание исполнится.

И с этого времени брат и сестра часто говорили о христианах. Тораний принес Альбину несколько тайных рукописей, и Альбин по ночам внимательно читал их, изучая догматы новой

веры. Всем прочитанным он делился с сестрой. Они ухитрялись даже не раз читать вместе, приняв все необходимые меры предосторожности. Тораний зорко оберегал детей. Во все была посвящена также старая няня, христианка Маспеция, которая радовалась и благодарила Бога за то, что питомцы ее идут к истинному свету. «Призови, Господи, их Себе», – шептали ее старческие губы, и в глазах, устремленных на небо, светилась глубокая вера.

Медленно, но верно и прочно проникались брат и сестра христианским учением. Зерно упало на хорошую, свежую, плодоносную землю и не замедлило дать добрый урожай.

Магнус с женой были, конечно, безгранично далеки от истинного положения дел. Им и в голову не могла прийти мысль, что их дети заинтересовались христианством и изучали его. Да и откуда Альбин мог познакомиться с новым учением? О Люции Магнус давно забыл. Правда, как-то среди гостей зашел разговор о последователях Иисуса: коснулись происшествия в школе Назидиена. Кто-то произнес имя Люция.

– Это гадкий мальчишка, о котором даже не следует упоминать, – брезгливо заметил Магнус.

Альбин в душе рассмеялся отцовскому замечанию и подумал: «О, если бы ты знал всю правду! Ведь Люций и сейчас мой первый друг и учит меня новым заветам».

– Клянусь Бахусом³⁷, он, может быть, уже в царстве теней! – крикнул один участник обеда, запивая еду кубком хорошего вина.

– Да будут поскорее все христиане в царстве теней! – подхватил другой.

Некоторые закричали:

– Да здравствует наш божественный император Марк Аврелий, который истребляет эту вредную секту!

Альбин вспыхнул. Он удержался и, стараясь придать своему голосу насколько можно больше хладнокровия и наивности, спросил:

– Разве эта секта так вредоносна?

Отец даже слегка побледнел и злобно сверкнул на сына глазами:

– И ты еще спрашиваешь? Ты, сын Кассия Магнуса, задаешь вопрос, вредна ли секта христиан, которая объявлена императором враждебной нашим богам? Моли богов, чтобы они вразумили тебя!

– Не волнуйся, Магнус, ведь он еще носит буллу, – вступился кто-то из гостей за Альбина. – Если бы он был полноправный гражданин Рима, он не сказал бы этого.

Но Магнус велел сыну оставить триклиний, а вечером сделал ему строгий выговор:

– Если ты еще раз скажешь что-либо подобное о христианах, то я прикажу тебя наказать. Так и знай.

Альбин повернулся и молча вышел. Тораний, знавший о происшедшем, шепнул ему: «Крепись и мужайся, господин. Все христиане гонимы. Но и в этом наше счастье. За малые, временные страдания за нашу веру и за Христа мы получаем вечное Небесное Царство».

– Я верю этому, – просто ответил Альбин.

А через несколько времени состоялось крещение Альбина в доме Гиспаниллы. Сердце мальчика было полно невыразимого духовного восторга. Только теперь он понял, что такое учение Христа и что дает оно своим последователям еще в земной жизни.

Он ликовал и веселился. Он готов был хоть сейчас же принять смерть за Христа или положить жизнь свою за братьев-христиан...

Луч вечного света блеснул перед ним, окончательно разогнав языческую тьму и мрак.

«О, слава Тебе, Христе Боже наш, слава Тебе!» – только и мог шептать Альбин, выходя из купели.

³⁷ Бахус – в древнеримской мифологии – бог виноградарства, вина и веселья, соответствовавший греческому Дионису.

На прощание пресвитер положил ему руки на голову и ласково, но твердо и убедительно сказал:

– Сын мой, не изменяй Господу и будь верен Ему и при испытаниях! Если постигнет тебя гонение – молись Христу о терпении. Если встретишь смерть лицом к лицу, будь мужествен и не страшись, в награду ты наследуешь вечное блаженство, вечную радость в Царстве Христа. Да благословит тебя Христос, просветит тебя светом Своего учения.

Альбин поцеловал руку пресвитера, простился со всеми братским поцелуем и смело отправился в сопровождении верного Торания домой.

В доме все спали, не зная о совершившейся перемене. Только одна Домицилла бодрствовала и ждала с нетерпением брата. Она знала все...

Когда Альбин вошел в ее комнату, она беззвучно упала к нему на грудь, и тихо заплакала от избытка чувств, и спросила Альбина:

– Счастлив ли ты, Альбин?

– Большого счастья мне не нужно, – проговорил он, крепко прижимая к себе сестру.

8

Теперь для Альбина настала совершенно иная жизнь. Все старое язычество отошло куда-то далеко, точно его и не было. Христианство предъявляло новые требования, новые запросы.

Но вера Альбина не могла быть скрыта на долгое время. Это отлично понимали и он сам, и Домицилла.

– Боюсь я за тебя, – часто говорила девочка.

– Не бойся!

– Ах, все-таки страшно. Что скажет отец, когда узнает? Ведь тебя могут...

Она в страхе не договорила.

– Что могут? Убить?

– Да.

– Я этого не боюсь! За Христа рад пострадать. Ну и пусть убьют. А за эти краткие мучения мне будет великая от Христа награда.

– Ах, Альбин, как бы я желала быть христианкой.

Альбин задумался:

– Это пока сделать мудрено. Где ты можешь принять крещение, ведь тебя никуда не выпускают? Потерпи немного, быть может, мы что-нибудь и придумаем. А пока верь в душе и надейся, что рано или поздно, но Господь просветит тебя Своим светом, как Он просветил и меня.

Домицилла на этом успокоилась. Но она страшно тревожилась за брата, за его будущее. События не замедлили себя ждать.

Приближался день, в который Альбин должен был снять буллу и надеть тогу. Этот день был всегда знаменательным в жизни каждого римского мальчика. Сначала мальчик приносил жертву домашним богам, затем отец надевал на него тогу, и тогда все шли в храм приносить жертву богам там, а потом уже дома устраивалось празднество, в котором участвовали все родственники и знакомые.

Кассий Магнус желал этот день обставить насколько возможно торжественнее. Были выбраны лучшие жертвенные животные, повара должны были показать все свое искусство в устройстве обеда. Альбин понимал, что скоро должно выясниться все. Если до сих пор ему так или иначе, под тем или иным предлогом удавалось уклониться от посещения языческих храмов, то теперь о таком уклонении не могло быть и речи. Нужно было объявить отцу всю правду.

И он решил это сделать до наступления торжественного дня, чтобы избежать лишней огласки.

– Отец, через два дня ты наденешь на меня тогу? – не без волнения спросил Альбин, оставшись наедине с отцом.

– Да, сын мой, ты доживешь до радостного для тебя дня. Ты будешь римским гражданином и снимешь знак своего детства – буллу. И ты, надеюсь, рад этому? Не правда ли? Но что с тобой, Альбин? На твоём лице я читаю смущение. Какая этому причина? И Магнус пристально посмотрел на сына. Вместо прямого ответа Альбин, в свою очередь, спросил:

– Скажи мне, отец, я непременно должен идти в храм и принести жертву богам?

– Да, должен. Но к чему этот лишний вопрос? Ты и сам знаешь, что нужно возблагодарить богов. А в чем дело?

Альбин смело посмотрел отцу в глаза и сказал:

– Отец мой, я не могу приносить жертвы богам.

Магнус мгновенно вскочил со своего ложа и изумленно смотрел на сына:

– Что я слышу? Что ты говоришь? Ты отказываешься идти в храм? Почему же?

– Потому что я христианин.

Магнус как ошпаренный отскочил назад. Его глаза округлились и готовы были совсем вылезти из своих орбит. Лицо покрылось смертельной бледностью. Он несколько мгновений стоял неподвижно, не доверяя собственным ушам.

– Повтори, что ты сказал?

– Отец мой, если хочешь, я повторю. Да, я христианин.

Магнус с проклятиями схватился за голову.

– Этого не может быть! – закричал он. – Скажи, что это неправда. О, боги, ты с ума сошел.

– О, нет! Отец мой, я только теперь узнал настоящий разум, только теперь узнал Истину.

Магнус замахнулся на сына:

– Замолчи, или я убью тебя на месте!

– Убей, отец. Смерти я не боюсь: смерть за Христа для нас желанна.

– Да, я вижу, что ты не в своем уме и какие-то христиане тебя околдовали. Это позор, несчастье!

Яростный, вне себя, он подскочил к сыну и схватил его за плечо.

– Сейчас же говори, презренный, где и у кого ты познакомился с христианами? Слышишь, сейчас же мне отвечай! Или, клянусь богами, я отрекусь от тебя и отдам тебя властям! Я не хочу иметь сыном изменника религии и противника императора! Ну, говори же скорее!

Альбин молчал и внутренне молился лишь об укреплении духа. Магнус тряс его, скрежеща зубами, топал ногами и кричал:

– Говори, негодный мальчишка, где ты познакомился с этой ужасной сектой? Ты молчишь? Молчишь...

Вдруг штора в таблинум распахнулась и в комнату смело вошел Тораний. Он приблизился к Магнусу и движением руки отстранил Альбина.

– Как ты смеешь? – вскричал на него Магнус.

Но Тораний спокойно ответил:

– Благородный Магнус, обрати весь свой гнев на меня, а не на сына. Благодаря мне он узнал христианство. Я виновник его обращения.

– Тораний, зачем ты говоришь это? – умоляюще простонал Альбин.

Магнус чуть не захлебнулся от ярости:

– Ты посмел обратить моего сына в христианство! Ах ты, презренная тварь!

Он подскочил к Торанию, ударил его кулаком по лицу. Раб слегка пошатнулся. Из носа хлынула кровь.

– Отец, пощади! – прошептал в ужасе Альбин.

– Молчать! И ты говоришь о какой-то пощаде!

– Да простит тебя Христос! – проговорил Тораний, опускаясь перед Магнусом на колени.

Но Магнус ударил его ногой и закричал:

– Эй, рабы! Сюда! Живо!

На крик сбежались бледные, трепещущие рабы.

– Возьмите этого презренного негодяя отсюда, дать ему сейчас же пятьдесят плетей. А завтра распять на Апиевой дороге. Слышите? Поворачивайтесь быстрее! Тот, кто вздумает защитить Торания, получит сто плетей! Вон с глаз моих!

Магнус весь дрожал от бешенства и чуть не разорвал свою тунику. Рабы догадались, в чем дело. Некоторые успели уже подслушать всю эту сцену. Торания увели. Альбин все время стоял в стороне. Сердце его сильно колотилось. Он всеми силами старался не показать трусости и робости. «Я должен быть готов ко всему. Нужно за Христа и пострадать», – думал он, ожидая крупных неприятностей.

Когда рабы удалились, Магнус подошел к Альбину и сурово проговорил:

– Слушай, что я скажу тебе. Тебя совратил этот негодный Тораний, он получил за это то, что заслужил. Завтра же он будет болтаться на кресте. А от тебя я требую, чтобы ты отрекся от Христа и принес жертвы богам.

– Отец, это для меня невозможно. Во всем я послушаюсь тебя, кроме этого.

– Ты должен послушаться, иначе я отрекусь от тебя. И тогда мне будет решительно все равно, что тебя постигнет, хотя бы судьба Торания. Понял?

– Я знаю это. Я готов ко всему.

– И к смерти?

– Да, и к смерти за Иисуса!

Магнус пришел в бешенство:

– Я убью тебя своими руками!

– Убивай, отец. Это в твоей власти. Я ношу еще буллу.

– Отрекись!

– Не могу.

Магнус с такой силой толкнул сына, что тот потерял равновесие и упал. И в этот момент вбежала Агриппина, которой донесли, что в таблинуме совершается какая-то ужасная сцена.

– Это что такое? – всплеснула она руками при виде сына, поднимающегося с пола.

– Боги нас покарали! – ответил ей Магнус.

– Что такое?!

Магнус подошел к ней вплотную и грубо проговорил:

– У нас нет больше сына.

Агриппина даже отшатнулась:

– Как нет? Что это значит? Что случилось?

– Альбин – христианин!

Агриппина помертвела.

– Христианин? Мой сын – христианин? Это ложь! – вскричала она.

– Если бы это была ложь! – ответил ей Магнус.

Агриппина стремительно бросилась к сыну:

– О, Альбин! Правда ли это? Я отказываюсь верить! Скажи, что это неправда! Умоляю тебя, скажи!

На лице ее было написано страшное горе. Слезы градом хлынули из ее глаз.

– Да, мама, я христианин. Об этом заявляю твердо и решительно. И от Христа я не отрекусь.

Но Магнус бешено топнул ногой:

– Замолчи! Ты одумаешься, иначе смерть тебе! Среди Магнусов не должно быть презренного христианина!

Агриппина, выслушав такой грозный окрик, в глубоком обмороке рухнула на пол.

9

Альбин бросился отыскивать сестру. Домицилла сидела в одной отдаленной комнате и занималась рисованием. В виде модели перед ней стояла прекрасная коринфская³⁸ ваза.

– Домицилла, все открылось, – сразу объявил он.

Девочка в испуге вскочила, краски упали на пол.

– Что открылось?

– Что я христианин.

Домицилла даже похолодела. С ее лица сбежал румянец. Она в ужасе всплеснула руками:

– Но как узнали? Ты сам сознался?

– Я должен был признаться.

И Альбин рассказал все происшедшее. Домицилла разрыдалась:

– Что же теперь с тобой будет? Что с тобой сделает отец? О, какое несчастье!

– Никакого несчастья, Домицилла, нет. Рано или поздно отец должен был все узнать.

Пусть лучше скорее, чем оставаться в неизвестности.

– Ах, я не знаю, что будет со мною, если... – она не закончила.

– Что? Если меня убьют?

– Да.

– Одно скажу: не горюй и обратись ко Христу. Он тебя утешит. А больше никто утешить не может.

Магнус в это время в величайшей тревоге шагал по перистиллю. Разыгрался, по его понятию, настоящий скандал. Что скажут римляне? Как посмотрят на это событие? А если донесут самому Марку Аврелию? Могут выйти крупные неприятности: изволь-ка там, отец, оправдываться и вывертываться. Как замять это дело, пока оно еще не получило огласки? И Магнус, не долго думая, решил отправить сына к своей сестре в Сицилию. Сестра – строгая женщина, чтящая богов, и она сумеет вытравить христианство из головы Альбина. Мальчишка поддался влиянию раба, и больше ничего. «Да, да, это лучший исход», – думал Магнус.

Он немедленно же сообщил о своем решении Агриппине. Решено было ехать завтра же. Начались деятельные приготовления к отъезду. Альбину отец сказал в двух словах о своем решении:

– Собирайся в путь! Завтра ты с матерью едешь к тетке в Сицилию.

Повернулся и ушел. Альбин глубоко задумался с тревогой о будущем. Ему была ясна цель этой поездки: отец желал избежать огласки и надеялся, что там, в Сицилии, у строгой тетушки, он забудет о своем новом учении. Но разве он может забыть? Может ли он изменить своей вере? О, нет. Этого никогда не будет. Отречься от христианства невозможно, вернуться к прежним богам – верх безумия. Но что же делать в этом случае? Альбин схватил себя за голову и замер от наплыва разных чувств. А решиться на что-нибудь нужно было сейчас. Завтра он может оказаться на дороге в Сицилию, а там мало ли что может с ним случиться? В это время в комнату вошла Маспекция.

– Слышала все, няня?

Та заплакала:

– Все знаю, но не изменяй нашему Спасителю. Он дороже всего.

– Я и не думаю...

– Завтра тебя отправят в Сицилию.

– Знаю.

³⁸ Коринфская – представляющая собой выражение архитектурного стиля, сложившегося в древней Греции в городе Коринфе.

Маспесия тяжело вздохнула.

– Иди к матери, она тебя зовет.

На юном лице Альбина показалось мучительное выражение.

– Я знаю, зачем она меня зовет. Будет убеждать отказаться от веры. Но это бесполезный труд.

– Иди, Альбин. И да укрепит тебя Господь.

Альбин знал, что ему придется вынести много бурь от своих домашних. Он знал, что его будут уговаривать, ему будут даже грозить. Но он был готов ко всему; вера в Иисуса Христа звала к подвигу, к борьбе, к страданиям.

Агриппина лежала разбитая, больная. При виде входящего сына она дала знак рабыням, чтобы ее оставили. Рабыни удалились тихо. Агриппина приподнялась и устремила грустный взгляд на сына:

– Альбин, что ты сделал со мной? Зачем ты изменил нашим богам?

Альбин подошел к матери, схватил ее руки и поцеловал.

– Не осуждай меня, мама! Я сделал то, что должен был сделать. Я нашел истинный Свет и пришел к нему.

– О каком свете ты говоришь?

– Я говорю о свете христианском, об истине, которая составляет основу моей веры.

– А наши боги? Ты забыл о них?

– Их, мама, не существует.

– Как нет? Неужели тебе хочется навлечь на себя гнев богов?

– Богов нет, а есть лишь истинный Бог, Творец неба и земли Господь наш Иисус Христос.

Все ваши боги ложны. Вот в чем заключается свет христианства.

Агриппина смотрела изумленно на вдохновенное лицо сына. Она не узнавала его. Где был прежний тихий мальчик, который во всем слушался родителей? А теперь он тоном, не допускающим возражения, говорил так твердо и энергично, точно его подменили.

– Альбин, я не узнаю тебя! Что это значит? Неужели для тебя какая-то изуверская секта дороже, чем я с отцом? Я отказываюсь этому верить.

– О, мама! Тебе не понять меня. Ты только тогда услышала бы меня, когда сама обратилась бы ко Христу.

– Замолчи! Оставь свои речи! – вскричала Агриппина. – И слушать я тебя не хочу! Я требую от тебя, чтобы ты бросил все свои безумные мысли! Слышишь, требую! И знай, что за послушание ты можешь жестоко поплатиться. Ты знаешь, как поступят с Торанием?

– Да укрепит его Господь!

– В таком случае, ты должен знать, что если власти узнают о тебе, то тебя может ожидать очень печальная участь. И мы будем совершенно бессильными тебе помочь.

– О, мама, я знаю, что всех христиан гонят и мучают. Я готов ко всему. Иисус за нас пострадал, отчего и нам не пострадать за Него?

– Проклятие этому Торанию! – закричала со злобой Агриппина. – Это он тебя свел с ненавистной Риму сектой! Уйди теперь от меня!

Юноша молча поцеловал руку матери и вышел.

10

Альбин понял, что оставаться ему под родительским кровом невозможно. Нужно идти к своим братьям по духу, по вере и с ними нести общий тяжелый крест.

Первым делом при наступлении ночи он направился к Торанию, который накануне был подвергнут безжалостному бичеванию. Устроить эту встречу было нелегко. Но при участии Маспеции ему удалось проникнуть к смертельно израненному рабу. Тораний очень обрадовался Альбину, он позабыл свою боль и едва приподнялся со своего ложа.

– О, как я рад тебя увидеть, господин мой! Да благословит Господь твой приход!

– Тораний, ты из-за меня страдаешь.

– Не говори так, Альбин, мы не язычники. Разве не радостно пострадать за веру! Я должен хвалить и благодарить своего Искупителя, Который даровал мне счастье перенести за Него бичевание.

– Мне жаль тебя, Тораний! Ты явился моим вторым и лучшим отцом.

Альбин склонился к рабу, припал на его окровавленное плечо и заплакал. В комнате несколько мгновений царило молчание. Слышалось только всхлипывание Альбина.

– Не горюй обо мне, господин мой! Разве ты не знаешь, что лучший наш удел, высшее счастье – это пострадать за Христа? Знаю, что отец твой хочет распять меня на кресте. Помолись за меня, чтобы Господь удостоил меня этого мученичества.

– Помолись и ты за меня, Тораний, когда будешь у престола Всевышнего. Твоя молитва будет сильна.

– Если удостоит Господь предстать пред лице Его, то буду просить Его, чтобы быть нам с тобою вместе на всю вечность. А теперь мы должны с тобой проститься. В здешней жизни мы больше не увидимся.

– О, Тораний, Тораний! – только и мог прошептать юноша.

– Любимый мой господин, не плачь обо мне! Я иду ко Господу! А ведь там вечное блаженство, вечная радость. Там не страшны нам будут наши гонители. Там Сам Спаситель! Не плачь же! Скажи мне: очень гневается на тебя отец твой?

– И отец, и мать страшно озлоблены. Завтра назначен мой отъезд в Сицилию.

– Понимаю: хотят скрыть твое обращение в христианство и заставить тебя вернуться к язычеству.

– Да, это ясно, но я решил в Сицилию не ехать.

– Как же быть?

– Сегодня ночью я навсегда уйду из дома.

– Покидаешь родителей?

– Да, я не могу больше оставаться в доме, в котором хулился имя Христово и высмеивается наша вера. Со своими родителями я давно разошелся. Мы чужие друг другу. Что ж я буду делать здесь? Поэтому я решил идти к своим братьям и нести общий крест. Что ты думаешь относительно этого?

Тораний немного подумал, затем широко перекрестил голову Альбина и проговорил:

– Да благословит тебя Господь! Да благословенно будет намерение твое! Иди! Помни, что сказал Спаситель: «Если кто оставит дом или родителей Христа ради, тот получит жизнь вечную». Твои родители не бедны и не беспомощны. А там положишься во всем на волю Божию. Кто знает, быть может, в будущем они и сами обратятся ко Господу.

– О, как бы я желал этого! – от всей души проговорил Альбин и крепко обнял раба.

Тораний, в свою очередь, заплакал.

– Крепись, мужайся, Альбин! Будем верить и надеяться, что мы с тобой снова увидимся в вечном Небесном Царстве. А теперь прими от меня, недостойного, мое христианское благословение.

Они обнялись и расцеловались. Один – бледный, израненный, приговоренный к казни раб, а другой – юный аристократ римской династии Магнусов – соединились в братском поцелуе. Единая вера в Царство Христово сделало их равными.

– Куда же ты думаешь идти?

– У меня один путь – к Люцию.

– А если его не найдешь?

– Спрошу, где он.

– Слушай, Альбин, что я тебе скажу. Если не найдешь Люция, то иди на Ардейскую дорогу. Там есть дом одного вольного отпущенника Вивидия. Это мой хороший знакомый. Он тоже христианин. Он охотно даст тебе приют, а там наше общество подумает, как тебе устроиться. Но сумеешь ли ты выбраться незаметно?

– Надеюсь.

– А не боишься идти ночью?

– У меня есть ноги, они выручат меня в минуту опасности.

– А тебе не жалко оставить Домициллу?

– Ах, Тораний! – грустно вздохнул Альбин. – Это самый тяжелый вопрос. Если кого мне жаль, то именно Домициллу. Я горячо люблю ее. Но что же делать? Как поступить? Ведь не могу же я ради сестры оставить свой путь и подчиниться родителям? Правда?

– Да, ты прав! Христос должен быть выше всего и выше всех наших земных привязанностей.

– Вот и я так думаю. Однако жаль, что она еще не приняла крещения, но надеюсь, что это совершится. Пусть как-нибудь Маспеция позаботится об этом. Чтобы не огорчать сестру, я даже не хочу говорить ей о своем намерении. Да простит мне Господь мое бегство из дома.

– Да простит нам Господь грехи наши, – тихо проговорил Тораний.

Они еще немного поговорили, затем обнялись и наконец расстались. Юное лицо Альбина было мокрым от слез. Ему было до глубины души жаль верного, преданного раба, на руках которого он вырос и под охраной которого много лет безбоязненно ходил по римским улицам. Теперь он уже больше никогда не увидит Торания: завтра верный раб будет злодейски распят на кресте. От этой мысли Альбин содрогнулся все телом; глубокое человеческое сострадание несчастному рабу навсегда поселилось в его юном сердечке. «О, Боже, дай ему силы! – с верою прошептали его губы. – А мы увидимся с ним там, в вечном Царствии Небесном!»

11

Домицилла горько плакала, склоняясь к плечу брата.

– Альбин, Альбин, что будет с тобой? Ты завтра едешь в Сицилию, а меня отец оставляет здесь.

– Не грусти, дорогая моя! Будем надеяться на Христа, что Он устроит все к лучшему.

– Но я буду скучать по тебе. Почему бы мне не поехать с тобой? Зачем отец хочет разединить нас?

– Ответ ясен: он боится, чтобы я не сделал тебя христианкой.

– О, как он ошибается. Если бы он знал, что я уже почти христианка, недостает лишь крещения.

– Вот этим я и озабочен, Домицилла. При первой же возможности я хочу, чтобы ты окрестилась.

– Это и мое искреннее желание. Куда ты идешь, Альбин? Побудь со мной еще. Ведь это последняя ночь. Завтра ты уедешь... – проговорила девочка, видя, что Альбин хочет уходить.

В тоне ее голоса было так много умоляющего, что Альбин невольно подчинился и ненадолго остался, хотя ему нужно было спешить! Он знал, что ему, быть может, предстоит сделать огромный путь на Ардейскую дорогу, если почему-либо нет дома Люция или его семейства.

– Ну, Домицилла, спи с Богом! Мне нужно кое-что собрать с собой в дальний путь.

Он подошел и горячо расцеловал сестру.

– Как мне жаль расставаться с тобой, – говорила она со слезами.

Альбин тяжело вздохнул:

– Что же делать, дорогая моя? Нужно покориться Господу. Все пути наши в Его руках, как говорил наш пресвитер.

– Верю, – согласилась Домицилла.

Когда Альбин вышел из комнаты сестры, в доме тревожно спали. Мягкий лунный свет заливал перистиль и светлыми полосами ложился на полу портиков. Таинственно стояли нимфы около двух мраморных бассейнов, окруженных зеленью. Юноша быстро ушел в свою комнату и, опустившись на колени, начал горячо молиться Богу, чтобы Он помог ему в новом пути и дал бы силы перенести все испытания. После молитвы он надел простую темную тунику, взял восковую дощечку, стиль³⁹ и написал следующее: «Дорогая моя сестра! Я навсегда ухожу от вас. Я не могу более оставаться среди язычников и иду к своим братьям. Так хочет и требует Христос. Не сердись на меня и прости. Если же не здесь, на земле, то в вечном Царствии Небесном мы увидимся. Будем верить в это. Прости же. Горячо любящий тебя, твой Альбин».

Он осторожно прошел в комнату сестры и положил эту дощечку на стол. Затем приблизился к постели сестры. Девочка спала, свернувшись в клубочек. Долго стоял Альбин на пороге ее комнаты. «Увидимся ли мы с тобою, дорогая? Может быть, это свидание последнее? Ведь я иду к своим братьям во Христе, и нужно быть ко всему готовым! – думал он. – Спи мирно, сестра. Да благословит тебя Господь. А я... Я не мог поступить иначе. Прости меня!»

Он перекрестил Домициллу и, подавив грустный вздох, так же тихо вышел из комнаты. Из глаз его медленно катились слезинки. Он сунул под тунику все свои наличные карманные деньги, какие давал ему отец, и осторожно вышел в сад. Он шел, постоянно прислушиваясь и оглядываясь, точно вор. Его сердце усиленно колотилось от волнения. Он знал, что если бы его поймали домашние, то жестоко наказали бы и как преступника увезли в Сицилию. Приходи-

³⁹ Восковая дощечка – дощечка из твердого материала (самшит, бук, кость) с выдолбленным углублением, так что бы образовывался бордюрик, и залитая темным воском. В Римской империи пришла на смену свинцовых листов. На дощечке писали, нанося на воск знаки острой металлической палочкой – стилусом (стиль, стило). В случае необходимости надписи можно было стереть, заглаживать и воспользоваться дощечкой вторично.

лось поэтому принимать меры предосторожности. Но рабы крепко спали, утомленные за день, а собаки, хорошо знавшие своего хозяина, только радостно махали ему хвостами.

Альбин быстро перебежал сад, прячась под ветками садовых деревьев, затем как кошка вскарабкался на стену, отделявшую отцовский дом, и перепрыгнул в соседний переулок. Прощай, отчий дом! Прощайте, родители и сестра! Прощайте, добрый Тораний и ласковая Маспеция! Все это оставалось за стеной...

А теперь – в дорогу.

Можно себе представить изумление Люция и его родных, когда к ним далеко за полночь явился Альбин.

– Что случилось, Альбин? Почему ты один? Почему не с Торанием? – забросал его вопросами Люций.

– Если бы я не пришел сейчас, то завтра ехал бы уже в Сицилию.

– В Сицилию? Может ли это быть?

Альбин рассказал все. Его выслушали с величайшим изумлением.

– Значит, ты бросил дом и родителей из-за веры? И пришел к нам, людям бедным и отверженным? – вскричал отец Люция.

– Мне не место среди язычников, – скромно ответил Альбин.

Старик горячо обнял Альбина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.